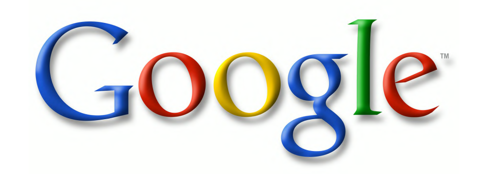
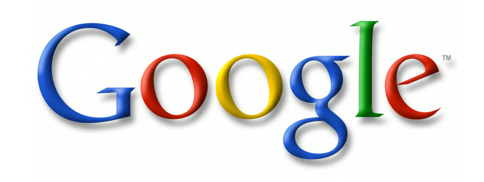

STANFORD LIBRARIES

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

[illegible]

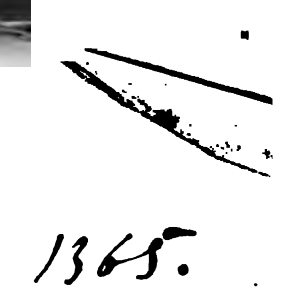
МОСКВА
Въ Типографіи Александра Семена.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. 19 Ноября 1858 года.

Цензоръ Н. Фонъ-Крузе.

(Изъ 4-й кн. Р. Б. 1858 г.)

ЗАПАДНЫЕ СЛАВЯНЕ.

Мы недавно получили отъ одного изъ друзей нашихъ Французскую рукопись, подъ заглавіемъ: « les Slaves Occidentaux », которая теперь печатается за границею. « Русская Бесѣда » положила себѣ за правило не помѣщать въ своихъ книжкахъ переводныхъ статей. Однако же она охотно отступаетъ отъ этого правила въ отношеніи къ означенному сочиненію, касающемуся вопросовъ, столь близкихъ намъ и столь мало еще извѣстныхъ Русской публикѣ. Притомъ же надо замѣтить, что обозрѣніе это не заимствовано изъ чужихъ показаній, а есть плодъ личныхъ наблюденій автора надъ Славянскими племенами. Конечно, « Русская Бесѣда » не можетъ ручаться за справедливость всѣхъ его мнѣній и оцѣнокъ; но она увѣрена, что читатель будетъ ей благодаренъ за сообщеніе статьи, въ которой современное движеніе единоплеменниковъ нашихъ на Западѣ представлено въ большей полнотѣ и цѣлости, чѣмъ въ какихъ бы то ни было другихъ, извѣстныхъ намъ, сочиненіяхъ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Познань. Поляки и ихъ роль въ Славянскомъ вопросѣ. Возрожденіе Славянскихъ народностей въ Австріи.

Въ послѣднее время стали много говорить о вступленіи Славянскаго племени въ кругъ Европейской дѣятельности. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это племя, долго остававшееся неизвѣстнымъ Западу и даже бывшее у него въ презрѣніи, должно принять важное уча-

стіе въ дѣлахъ міра. Въ то самое время, какъ Россія, ознакомившись со всѣмъ тѣмъ, что другіе народы выработали въ теченіе своей исторической жизни, начинаетъ утомляться подражательностью и ищетъ, по видимому, обновленія въ своихъ собственныхъ народныхъ началахъ, прилагая къ нимъ то, что Европейская образованность представляетъ ей пригоднаго,—милліоны Славянъ, недавно еще пребывавшихъ въ глубокомъ оцѣпенѣніи подъ властію иноплеменниковъ, очнулись и требуютъ себѣ мѣста, если не между государствами, то по крайней мѣрѣ между народностями Европы. Одни изъ нихъ, именно тѣ, которые порабощены игу Турецкому, домогаются первоначальныхъ правъ человѣческаго общества, обезпеченія жизни и имущества, справедливости въ управленіи и возможности мирнаго развитія, — всего того, что они уже завоевали себѣ въ Сербскомъ княжествѣ. Другіе Славянскіе народы, принадлежащіе тремъ изъ Нѣмецкихъ государствъ, стараются мирнымъ образомъ оградить свое существованіе отъ наплыва Германской стихіи и пріобрѣсти умственную самобытность, дабы имѣть право стоять въ ряду народовъ образованныхъ, не отказываясь для того отъ своей народной особенности.—Много уже говорено и писано о Россіи; начинаютъ также довольно вѣрно понимать положеніе Славянъ Турецкихъ и ихъ стремленія. Но до сихъ поръ обращали весьма мало вниманія на умственное движеніе, проявившееся въ Славянскихъ областяхъ Австріи, или же, что еще хуже, искажали его смыслъ, принимая это движеніе за тему для разглагольствованій о какомъ-то мнимомъ панславизмѣ, который, по словамъ Франкфуртскихъ и Вѣнскихъ публицистовъ, страшнѣе ордъ Чингизхана и Тамерлана, грозитъ уничтоженіемъ всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы. Поэтому я считаю полезнымъ представить въ истинномъ видѣ умственное и нравственное возрожденіе, совершающееся у Славянскихъ народовъ, подчиненныхъ Нѣмецкимъ державамъ. Я буду обозначать эти народы подъ общимъ именемъ Западныхъ Славянъ, въ отличіе, какъ отъ Восточныхъ Славянъ, составляющихъ народъ Русскій, такъ и отъ Славянъ Южныхъ, принадлежащихъ Турціи.

I.

Славянская стихія слаба въ Пруссіи и въ Саксоніи Она составляетъ въ первомъ изъ этихъ государствъ немного больше восьмой

доли пародонаселенія, съ небольшимъ 2 милліона на 17 милліоновъ жителей. Въ Саксоніи считаютъ всего 60,000 Славянъ на 2 милліона народонаселенія. Напротивъ, въ Австріи Славянская стихія весьма сильна численностію: тамъ на 39 милліоновъ общаго народонаселенія приходится отъ 16 до 17 милл. Славянъ. Но эти 17 милліоновъ Славянъ раздроблены на 7 отдѣльныхъ народовъ, и самый многочисленный изъ нихъ, народъ Чехо-Моравскій, не превышаетъ $4^1/_2$ милл., тогда какъ Нѣмецкая стихія представляетъ въ Австріи массу въ 7 милл., Итальянская — въ 6, Мадьярская въ 5 милліоновъ.

II.

Прусскіе Славяне принадлежатъ почти всѣ къ Польскому (*) племени.

Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ сначала, въ Восточной части Помераніи, нѣсколько жалкихъ остатковъ народа, бывшаго сильнымъ въ средніе вѣка, поселянъ и рыбаковъ, которые именуютъ себя безразлично *Словинцами*, *Кашубами* и *Поляками*. Они исповѣдуютъ протестантскую вѣру, и подчинены систематической германизаціи со стороны духовенства и мѣстныхъ властей. Эти бѣдняки предвидятъ сами, что ихъ языкъ и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что объ нихъ не будетъ помину лѣтъ черезъ двадцать. Они утѣшаютъ себя пророчествами. Я слышалъ, какъ одинъ старикъ предвѣщалъ близкую кончину міра, которая наступитъ, по его словамъ, какъ скоро Словинскій или Польскій (**) языкъ изчезнетъ съ лица земли; и онъ находилъ вѣру въ своихъ слушателяхъ.

Между границею Помераніи и устьемъ Вислы, въ области, называемой Западною Пруссіею, населеніе почти чисто Славянское. Сѣверная часть этой страны занята 200,000 Кашубовъ, принадлежащихъ къ Римскому исповѣданью; Южная часть населена Поляками. Католическое духовенство, боясь въ Пруссіи Нѣмецкой стихіи, какъ склонной къ протестантству, ревностно противодѣйствуетъ

(*) Или вѣрнѣе Лешскому.

(**) Такъ Померанскіе Славяне называютъ безразлично свое нарѣчіе, которое имѣетъ много сходства съ Славянскимъ языкомъ, употреблявшимся въ средніе вѣка между Эльбою и Одрою.

стіе въ дѣлахъ міра. Въ то самое время, какъ Россія, ознакомившись со всѣмъ тѣмъ, что другіе народы выработали въ теченіе своей исторической жизни, начинаетъ утомляться подражательностью и ищетъ, по видимому, обновленія въ своихъ собственныхъ народныхъ началахъ, прилагая къ нимъ то, что Европейская образованность представляетъ ей пригоднаго,—милліоны Славянъ, недавно еще пребывавшихъ въ глубокомъ оцѣпенѣніи подъ властію иноплеменниковъ, очнулись и требуютъ себѣ мѣста, если не между государствами, то по крайней мѣрѣ между народностями Европы. Одни изъ нихъ, именно тѣ, которые порабощены игу Турецкому, домогаются первоначальныхъ правъ человѣческаго общества, обезпеченія жизни и имущества, справедливости въ управленіи и возможности мирнаго развитія, — всего того, что они уже завоевали себѣ въ Сербскомъ княжествѣ. Другіе Славянскіе народы, принадлежащіе тремъ изъ Нѣмецкихъ государствъ, стараются мирнымъ образомъ оградить свое существованіе отъ наплыва Германской стихіи и пріобрѣсти умственную самобытность, дабы имѣть право стоять въ ряду народовъ образованныхъ, не отказываясь для того отъ своей народной особенности.—Много уже говорено и писано о Россіи; начинаютъ также довольно вѣрно понимать положеніе Славянъ Турецкихъ и ихъ стремленія. Но до сихъ поръ обращали весьма мало вниманія на умственное движеніе, проявившееся въ Славянскихъ областяхъ Австріи, или же, что еще хуже, искажали его смыслъ, принимая это движеніе за тему для разглагольствованій о какомъ-то мнимомъ панславизмѣ, который, по словамъ Франкфуртскихъ и Вѣнскихъ публицистовъ, страшнѣе ордъ Чингизхана и Тамерлана, грозитъ уничтоженіемъ всѣмъ образованнымъ государствамъ Европы. Поэтому я считаю полезнымъ представить въ истинномъ видѣ умственное и нравственное возрожденіе, совершающееся у Славянскихъ народовъ, подчиненныхъ Нѣмецкимъ державамъ. Я буду обозначать эти народы подъ общимъ именемъ Западныхъ Славянъ, въ отличіе, какъ отъ Восточныхъ Славянъ, составляющихъ народъ Русскій, такъ и отъ Славянъ Южныхъ, принадлежащихъ Турціи.

I.

Славянская стихія слаба въ Пруссіи и въ Саксоніи Она составляетъ въ первомъ изъ этихъ государствъ немного больше восьмой

доли народонаселенія, съ небольшимъ 2 милліона на 17 милліоновъ жителей. Въ Саксоніи считаютъ всего 60,000 Славянъ на 2 милліона народонаселенія. Напротивъ, въ Австріи Славянская стихія весьма сильна численностію: тамъ на 39 милліоновъ общаго народонаселенія приходится отъ 16 до 17 милл. Славянъ. Но эти 17 милліоновъ Славянъ раздроблены на 7 отдѣльныхъ народовъ, и самый многочисленный изъ нихъ, народъ Чехо-Моравскій, не превышаетъ $4^1/_2$ милл., тогда какъ Нѣмецкая стихія представляетъ въ Австріи массу въ 7 милл., Итальянская — въ 6, Мадьярская въ 5 милліоновъ.

II.

Прусскіе Славяне принадлежатъ почти всѣ къ Польскому (*) племени.

Въ числѣ ихъ мы встрѣчаемъ сначала, въ Восточной части Помераніи, нѣсколько жалкихъ остатковъ народа, бывшаго сильнымъ въ средніе вѣка, поселянъ и рыбаковъ, которые именуютъ себя безразлично *Словинцами*, *Кашубами* и *Поляками*. Они исповѣдуютъ протестантскую вѣру, и подчинены систематической германизаціи со стороны духовенства и мѣстныхъ властей. Эти бѣдняки предвидятъ сами, что ихъ языкъ и обычаи должны скоро исчезнуть, и сознаются уже, что объ нихъ не будетъ помину лѣтъ черезъ двадцать. Они утѣшаютъ себя пророчествами. Я слышалъ, какъ одинъ старикъ предвѣщалъ близкую кончину міра, которая наступитъ, по его словамъ, какъ скоро Словинскій или Польскій (**) языкъ изчезнетъ съ лица земли; и онъ находилъ вѣру въ своихъ слушателяхъ.

Между границею Помераніи и устьемъ Вислы, въ области, называемой Западною Пруссіею, населеніе почти чисто Славянское. Сѣверная часть этой страны занята 200,000 Кашубовъ, принадлежащихъ къ Римскому исповѣданью; Южная часть населена Поляками. Католическое духовенство, боясь въ Пруссіи Нѣмецкой стихіи, какъ склонной къ протестантству, ревностно противодѣйствуетъ

(*) Или вѣрнѣе Ляшскому.

(**) Такъ Померанскіе Славяне называютъ безразлично свое нарѣчіе, которое имѣетъ много сходства съ Славянскимъ языкомъ, употреблявшимся въ средніе вѣка между Эльбою и Одрою.

усиліямъ чиновниковъ правительства для распространенія этой стихіи; но оно презираетъ Кашубское нарѣчіе, считая его неблагороднымъ, и исключительно употребляетъ Польскій языкъ, который, правда, понятенъ Кашубамъ, но все же не такъ близокъ имъ, какъ родная рѣчь. Дворянство и городское сословіе раздѣляютъ тоже пренебреженіе къ народному нарѣчію. Это останавливаетъ умственное развитіе Кашубскаго народонаселенія, положеніе котораго притомъ чрезвычайно неблагопріятно вслѣдствіе его малочисленности и отдаленности отъ другихъ Славянъ. Отчужденные разницею вѣроисповѣданія отъ Кашубовъ Померанскихъ, Кашубы въ Западной Пруссіи, вѣроятно, не замедлятъ послѣдовать за ними на пути германизаціи. Ихъ сосѣди, Поляки Познанскіе, должны бы были позаботиться о поддержаніи между ними Славянской народности. Но вѣчно паря въ заоблачныхъ высотахъ политическихъ утопій, Познанскіе Поляки не имѣютъ досуга подумать о противодѣйствіи успѣхамъ Нѣмецкой народности, которая шагъ за шагомъ расширяется въ ихъ сосѣдствѣ на Славянской почвѣ.

Упоминаю только мимоходомъ о Мазурахъ протестантскаго исповѣданія, составляющихъ довольно значительную часть сельскаго класса въ Восточной Пруссіи (Ostpreussen). Подчиненная, подобно Славянамъ-протестантамъ въ Помераніи, вліянію духовенства и образованнаго сословія, состоящихъ изъ Нѣмцевъ, эта вѣтвь Польскаго племени исчезнетъ, вѣроятно, въ теченіи нынѣшняго столѣтія.

III.

Возвратившись на лѣвый берегъ Вислы, мы встрѣтимъ довольно значительное населеніе Поляковъ, занимающихъ половину Западной Пруссіи (Westpreussen) и большую часть Великаго Княжества Познанскаго. Познанская область была почти исключительно Польскою, когда вошла въ составъ Прусскаго королевства; теперь Нѣмецкая стихія тамъ почти столько же сильна, сколько туземная, и распространяется съ неудержимою быстротою. Изъ всѣхъ Славянскихъ племенъ, Польское наименѣе способно сопротивляться наплыву Германскому: ни у кого изъ Славянъ нѣтъ такой ненависти къ Нѣмцамъ, какъ у Поляка, и не смотря на то, никто изъ Славянъ не превращается такъ легко въ Нѣмца, какъ Полякъ, находящійся подъ властію Нѣмецкою, когда скоро это превращеніе открываетъ ему воз-

можность блеска или повышенія (*). Нѣтъ ничего печальнѣе явленій народной жизни въ Познанскомъ княжествѣ. Лѣтъ 12 тому назадъ предвидѣли въ Познани зарю новой жизни,—до такой степени сильнымъ казалось тамъ умственное движеніе. Польская эмиграція старалась основать въ Познани литературное средоточіе, въ надеждѣ, что отсюда ея стремленія распространятся на сосѣдніе края. Эта дѣятельность развилась особенно съ 1836 года. Поскольку она ограничивалась литературою, Прусское правительство ей не препятствовало, и эта просвѣщенная политика Пруссіи вполнѣ оправдалась своими послѣдствіями. — Основаны были въ Познани журналы; печатали тамъ множество книгъ, наполняли Польскую литературу разными философскими и соціальными ученіями, заимствованными у Французовъ и Нѣмцевъ. Двѣ школы обозначились въ Познани — одна, искавшая возрожденія Польши въ новыхъ демократическихъ идеяхъ Запада; другая, видѣвшая спасеніе только въ старомъ аристократическомъ духѣ Польскомъ, и эти двѣ школы боролись другъ съ другомъ на узкой почвѣ исключительнаго патріотизма Польскаго: безвыходная борьба между двумя нелѣпостями. Однако вся эта литература была лишь произведеніемъ искусственнымъ. Увлеченное модою и несбыточными надеждами, Польское общество въ Познани съ жадностію читало все, что издавалось тогда, но это усиліе, по видимому, истощило всю его умственную жизнь. Случилась революціонная вспышка 1846 года; нѣкоторые изъ Познанскихъ писателей были взяты подъ стражу; одинъ изъ выходившихъ въ Познани журналовъ былъ запрещенъ; сношенія съ эмиграціею были прерваны, и вся дѣятельность Познанская внезапно прекратилась. Повременныя изданія, пощаженныя Прусскою полиціею, вскорѣ упали сами собою. Съ 1846 года Познань не произвела никакого оригинальнаго и замѣчательнаго труда (**). 1848 годъ породилъ тамъ лишь нѣсколько недолговѣчныхъ газетъ, и вся литературная дѣятельность въ Великомъ Княжествѣ ограничивается нынѣ однимъ единственнымъ по-

---

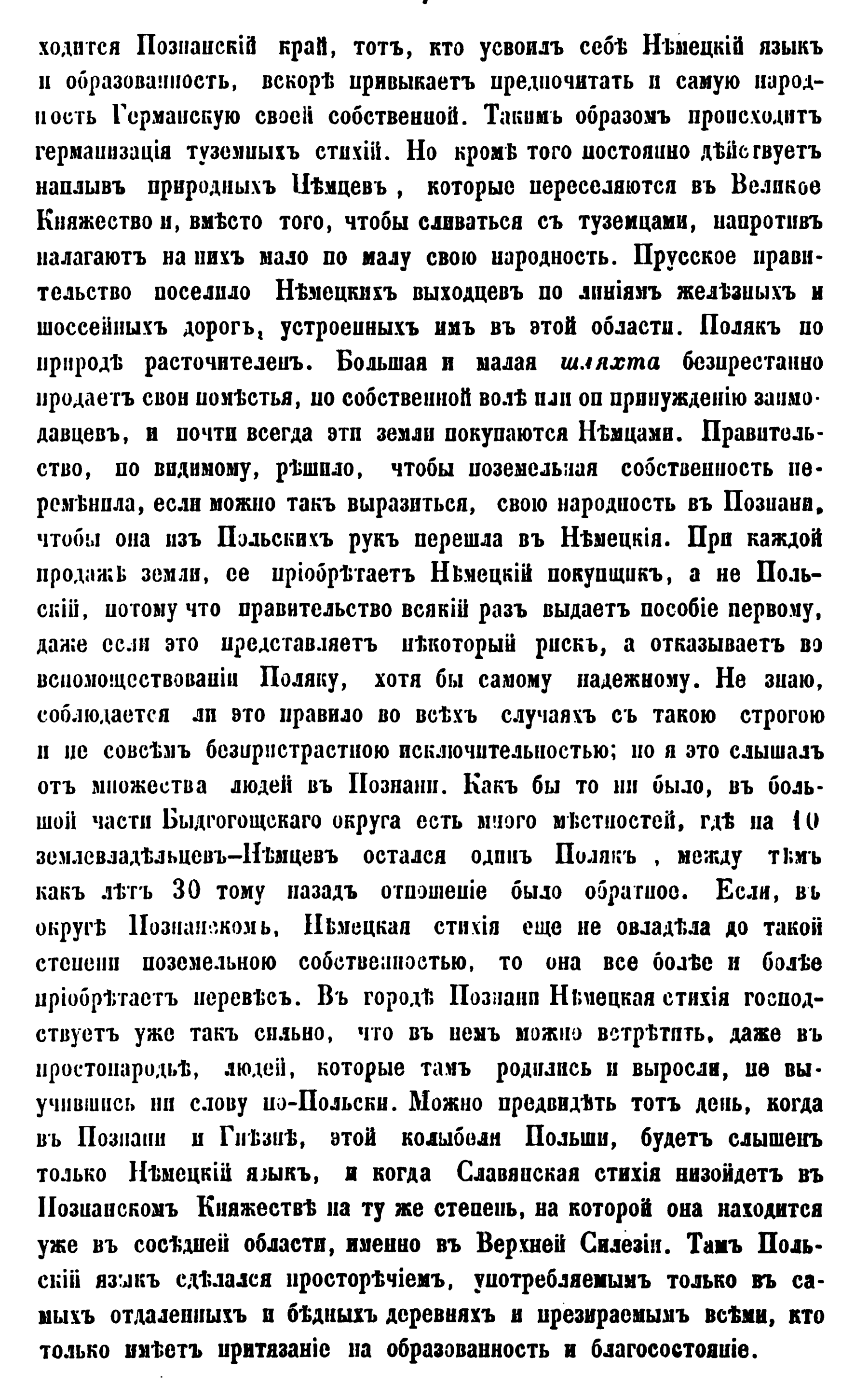
(*) Мы думаемъ, что это явленіе временное, обусловливаемое разными внѣшними обстоятельствами, и не можемъ признать въ немъ непреложнаго нравственнаго закона. Самъ авторъ, какъ видно будетъ ниже, допускаетъ многія исключенія и не считаетъ положенія Польской народности безнадежнымъ. Но для этого необходимо, чтобы Поляки не исключали себя изъ общаго Славянскаго братства. *Прим. Ред.*

(**) Кромѣ нѣсколькихъ спеціально-ученыхъ трудовъ, предпринятыхъ въ предъидущую эпоху, и продолжавшихся послѣ 1846 года.

временнымъ изданіемъ,—журналомъ, выходящимъ подъ покровительствомъ Римскаго духовенства.

IV.

Между тѣмъ, какъ Польскіе умы блуждали такимъ образомъ по ложному пути, Прусское правительство шло по избранному имъ направленію съ изумительнымъ постоянствомъ и успѣхомъ. Уже Фридрихъ Великій началъ водворять Германскую стихію въ значительной части Помераніи, которая при немъ была еще Польскою или Кашубскою, а теперь уже совершенно Нѣмецкая. Король Фридрихъ Вильгельмъ III продолжалъ тоже дѣло въ Польскомъ краѣ, ему доставшемся, и дѣло это, пріостановленное на нѣсколько времени событіями 1848 года, съ тѣхъ поръ возобновилось съ большею еще силою. Прусское правительство поддерживается въ этомъ отношеніи общественнымъ мнѣніемъ всей Германіи. Нѣтъ человѣка, болѣе исключительнаго въ своихъ народныхъ чувствахъ, чѣмъ Нѣмецъ, перенесенный въ Познанскую область или сосѣдніе края. Эта исключительность не разъ проявлялась тамъ въ возмутительной грубости. Въ 1848 году, когда вся Германія только и мечтала о теоріяхъ народности, примѣненіе ихъ въ Познанскомъ Княжествѣ представило самыя странныя явленія. Извѣстно, какое общее негодованіе вспыхнуло во всей Германіи, лишь только Познанскіе Поляки потребовали для себя правъ народности, провозглашенныхъ Франкфуртскимъ сеймомъ, и какія произошли отъ того кровавыя столкновенія.—Впрочемъ, Пруссія не позволяетъ себѣ въ Познани никакого насилія и угнетенія. Успѣхъ ея зависитъ оттого, что она является тамъ представительницею образованія. Мало того, что каждый Польскій мальчикъ необходимо долженъ выучиться нѣсколько по-Нѣмецки, сперва въ элементарной школѣ, а потомъ въ военной службѣ, которыя обязательны, и та и другая, для всякаго Прусскаго подданнаго; мало того, что гимназистъ учитъ всѣ свои уроки по-Нѣмецки, и что всякій, кто желаетъ получить какую бы то ни было общественную должность, обязанъ знать Нѣмецкій языкъ въ совершенствѣ; нѣтъ, главное условіе, содѣйствующее усиленію Германской стихіи, то, что тамошній Полякъ, коль скоро усвоилъ себѣ Нѣмецкій языкъ, чувствуетъ себя членомъ могущественнаго своею образованностію общества, которое было бы закрыто ему, если бы онъ оставался только Полякомъ; а при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ на-

ходится Познанскій край, тотъ, кто усвоилъ себѣ Нѣмецкій языкъ и образованность, вскорѣ привыкаетъ предпочитать и самую народность Германскую своей собственной. Такимъ образомъ происходитъ германизація туземныхъ стихій. Но кромѣ того постоянно дѣйствуетъ наплывъ природныхъ Нѣмцевъ, которые переселяются въ Великое Княжество и, вмѣсто того, чтобы сливаться съ туземцами, напротивъ налагаютъ на нихъ мало по малу свою народность. Прусское правительство поселило Нѣмецкихъ выходцевъ по линіямъ желѣзныхъ и шоссейныхъ дорогъ, устроенныхъ имъ въ этой области. Полякъ по природѣ расточителенъ. Большая и малая *шляхта* безпрестанно продаетъ свои помѣстья, по собственной волѣ или по принужденію заимодавцевъ, и почти всегда эти земли покупаются Нѣмцами. Правительство, по видимому, рѣшило, чтобы поземельная собственность перемѣнила, если можно такъ выразиться, свою народность въ Познани, чтобы она изъ Польскихъ рукъ перешла въ Нѣмецкія. При каждой продажѣ земли, ее пріобрѣтаетъ Нѣмецкій покупщикъ, а не Польскій, потому что правительство всякій разъ выдаетъ пособіе первому, даже если это представляетъ нѣкоторый рискъ, а отказываетъ во вспомоществованіи Поляку, хотя бы самому надежному. Не знаю, соблюдается ли это правило во всѣхъ случаяхъ съ такою строгою и не совсѣмъ безпристрастною исключительностью; но я это слышалъ отъ множества людей въ Познани. Какъ бы то ни было, въ большой части Быдгогощскаго округа есть много мѣстностей, гдѣ на 10 землевладѣльцевъ–Нѣмцевъ остался одинъ Полякъ, между тѣмъ какъ лѣтъ 30 тому назадъ отношеніе было обратное. Если, въ округѣ Познанскомъ, Нѣмецкая стихія еще не овладѣла до такой степени поземельною собственностью, то она все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ перевѣсъ. Въ городѣ Познани Нѣмецкая стихія господствуетъ уже такъ сильно, что въ немъ можно встрѣтить, даже въ простонародьѣ, людей, которые тамъ родились и выросли, не выучившись ни слову по-Польски. Можно предвидѣть тотъ день, когда въ Познани и Гнѣзнѣ, этой колыбели Польши, будетъ слышенъ только Нѣмецкій языкъ, и когда Славянская стихія низойдетъ въ Познанскомъ Княжествѣ на ту же степень, на которой она находится уже въ сосѣдней области, именно въ Верхней Силезіи. Тамъ Польскій языкъ сдѣлался просторѣчіемъ, употребляемымъ только въ самыхъ отдаленныхъ и бѣдныхъ деревняхъ и презираемымъ всѣми, кто только имѣетъ притязаніе на образованность и благосостояніе.

V.

Прежде, чѣмъ перейду къ изученію группы Славянскихъ народовъ, сосредоточенныхъ подъ властію Австріи, я долженъ обозначить то важное различіе, которое существуетъ между ими и Поляками. Разумѣется, то, что я говорю о характерѣ Поляковъ, относится столько же къ тѣмъ, которые подвластны Австріи и Россіи, сколько и къ Прусскимъ. Поляки живутъ исключительно въ своей народной сферѣ. Прочіе Западные Славяне одушевлены мыслію объ общности стремленій и выгодъ, долженствующей соединять и поддерживать ихъ взаимно. Поляки до сихъ поръ были всегда болѣе или менѣе недовѣрчивы къ Россіи(*); прочіе Славяне, напротивъ, полны сочувствія и уваженія къ ней. Поляки легко поддаются мирному напору Нѣмецкой стихіи и поглощаются ею; прочіе Славяне противопоставляютъ ей отпоръ, неодолимый донынѣ. Замѣчательно, что Германская народность сдѣлала, относительно, менѣе успѣховъ въ Богеміи, покоренной уже 237 лѣтъ, въ Стиріи и Краинѣ, издревле вошедшихъ въ составъ Нѣмецкихъ государствъ, нежели въ Познанскомъ Княжествѣ съ 1815 года. Нельзя сказать, чтобы эта могущественная народность обладала тамъ меньшею силою, нежели между Прусскими Славянами: ибо, если Славяне, вмѣстѣ взятые, составляютъ большинство жителей Австріи, то каждый изъ семи Славянскихъ народовъ, на которые они раздѣлены, гораздо слабѣе Нѣмецкаго населенія, и лишь въ недавнее время, едва 30 или 40 лѣтъ тому назадъ, они начали поддерживать другъ друга взаимнымъ нравственнымъ участіемъ. Я только что привелъ примѣръ Богеміи и Славянъ Иллирійскаго королевства: ихъ положеніе несравненно менѣе выгодно, чѣмъ положеніе Познанскихъ Поляковъ; взглядъ, брошенный на карту, убѣдитъ въ томъ каждаго. Они почти разобщены со всѣми прочими Славянами; они немногочисленны и вдались въ самое сердце чужихъ народовъ, которые окружаютъ ихъ съ трехъ сторонъ; между ними издавна живетъ цѣлое народонаселеніе Нѣмецкое, какъ туземное въ ихъ родинѣ; и при всемъ томъ они устояли. Стало быть, не случайнымъ обстоятельствамъ, а собственному характеру этихъ народностей должно приписать замѣченное нами различіе. Исторія завѣщала Поль-

(*) Читатель, конечно, не станетъ искать здѣсь изслѣдованія причинъ этого недовѣрія. Авторъ указываетъ только на фактъ, теперь уже, къ счастію, не столь явный. *Прим. Ред.*

скому племени печальное наслѣдіе. Въ Польшѣ жила, чувствовала, дѣйствовала одна только аристократія, *шляхта*. Въ одной шляхтѣ сосредоточивались чувства патріотизма и народности. Купечество, мѣщанство, большинство мастеровыхъ принадлежатъ космополитскому племени Жидовъ или Нѣмецкимъ колоніямъ; простой народъ оцѣпенѣлъ подъ продолжительнымъ и безсмысленнымъ владычествомъ шляхты, которое оставило въ немъ глубокую апатію и полное отсутствіе народнаго чувства, поражающее всякого, кто сравниваетъ Польскаго поселянина съ поселянами другихъ Славянскихъ странъ, хотя бы они даже уступали ему въ благосостояніи и практической дѣятельности. Въ немъ осталась также глубокая ненависть къ шляхтѣ. Недавнія событія доказали это. Нѣкоторые революціонеры задумали, въ 1846 году, взбунтовать Галицію. Мало надѣясь на сочувствіе Русиновъ, вовсе не расположенныхъ слѣдовать за «Ляхами», они обратились къ поселянамъ Западныхъ, чисто Польскихъ округовъ этой страны. Они стали взывать къ деревенскому народу съ громкими фразами Польскаго патріотизма. «Что вы намъ толкуете про Польшу,—такъ отвѣчали имъ во многихъ мѣстахъ поселяне,—мы не Поляки, мы Мазуры!» И Австрія, мало разборчивой въ средствахъ къ достиженію своихъ цѣлей, стоило только подать знакъ, для того чтобы Польскій поселянинъ возсталъ противъ своего господина, проповѣдывавшаго ему патріотическія чувства, убилъ его съ женою и дѣтьми, ограбилъ и сжегъ его домъ. Эта Галиційская рѣзня есть, конечно, одна изъ самыхъ ужасныхъ страницъ современной исторіи; и надобно замѣтить, что эти ужасы имѣли мѣсто только въ чисто Польскихъ краяхъ Галиціи (Бохненскомъ, Ясленскомъ, Тарновскомъ, Ржешовскомъ и Сончскомъ). Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австрійскіе чиновники не только подали знакъ къ убійствамъ, но и приняли ихъ подъ свое покровительство, быть можетъ даже, платили за нихъ (увѣряютъ, что поселяне получали отъ 3 до 5 гульденовъ за голову шляхтича); но можно также судить по этому страшному событію, каково наслѣдіе, переданное старою, независимою Польшею ея дѣтямъ, которымъ приходится теперь бороться съ огромною силою Германскаго наплыва. Представьте себѣ всѣ преданія народной жизни сосредоточенными исключительно въ рукахъ одной касты, до невѣроятности легкомысленной и непослѣдовательной, буйной, всегда расходующей свыше своихъ средствъ, тщеславной, увлекающейся всякою новизною,—и вамъ сдѣлается понятнымъ

VII.

Таково коренное различіе, существуюшее между характеромъ народной жизни у Поляковъ, съ одной стороны, и у всѣхъ прочихъ Западныхъ Славянъ съ другой. Этотъ исключительный духъ одной касты, хранящей въ себѣ народный патріотизмъ, мѣшаетъ Поляку сблизиться съ своими братьями–Славянами, живущими въ совершенно другой общественной сферѣ. Полякъ (это доказали недавнія событія) имѣетъ гораздо болѣе дѣйствительнаго сочувствія къ Мадъяру, аристократу и угнетателю, нежели къ Словаку или Хорвату, котораго Мадъяръ хотѣлъ лишить права на народное существованіе; Полякъ охотнѣе приметъ даже сторону Турка, нежели Сербскаго или Болгарскаго *раіи*. Полякъ не скоро рѣшится протянуть руку своимъ братьямъ Славянамъ и соединить съ ними свою дѣятельность, даже въ наукѣ и литературѣ. Онъ не легко откажется, даже въ области отвлеченной мысли, отъ своего недовѣрія къ Русскому имени (*) и отъ своего презрѣнія къ Восточной Церкви: двѣ жертвы, которыя ему необходимо принести прежде, нежели онъ можетъ усвоить себѣ начало нравственнаго общенія Славянъ.

Потому и начало это не могло получить жизненнаго значенія въ ряду вопросовъ, двигавшихъ Польскими умами. Но при всемъ томъ идея Славянства играетъ важную роль въ теоріяхъ, выработанныхъ въ послѣднее время Поляками. Въ особенности ввелъ ее въ эти теоріи безсмертный поэтъ Мицкевичъ. Его система есть полное и часто, можно сказать, невольное выраженіе взгляда, которымъ такъ называемые патріоты Польскіе хотѣли смотрѣть на Славянскій міръ; и въ его сочиненіи о Славянахъ многіе изъ нихъ до сихъ поръ почерпаютъ свои воззрѣнія на Славянскія дѣла. Славянскій міръ, по теоріи Мицкевича, издавна раздѣлялся на двѣ противоположныя стороны, составляющія какъ бы положительный и отрицательный его полюсы. Положительный полюсъ, полюсъ Славянской идеи, заключается въ Польшѣ; Чехи и Сербы принадлежатъ также къ этой положительной сторонѣ Славянства, но духъ въ нихъ ослабѣлъ и можетъ воскреснуть только подъ вліяніемъ Польши, которая хранитъ Славянскія начала для всего остальнаго Славянскаго міра. Отрицательный полюсъ идеи, которую Мицкевичъ называетъ противо–Славянскою, заключается, по его мнѣнію, въ Россіи. Древняя

(*) Повторяемъ—здѣсь дѣло о фактѣ, а не о причинахъ самого явленія. *Прим. Ред.*

Славянская народность на Руси, которую онъ именуетъ Русинскою, принадлежала первоначально къ Славянскому направленію; но она погибла, по словамъ Мицкевича, и отъ нея осталась лишь масса людей, говорящая, правда, нарѣчіемъ Славянскимъ (*), но которая, поглотивъ въ себя много Финнскихъ и Татарскихъ стихій, утратила Славянскія чувства; масса людей, которая не есть народъ, а государство, которая не имѣетъ вѣры, а только богослуженіе (**), и которая проникнута духомъ Монгольскаго племени, духомъ рабства и разрушенія, какъ его опредѣляетъ Польскій писатель. Духъ Славянскій, воплощенный въ Польшѣ, всегда старался усвоить себѣ идеи Запада и распространить ихъ въ остальномъ Славянскомъ мірѣ; (***) но духъ этотъ выше Западнаго духа: онъ искони стремился къ осуществленію новыхъ началъ, долженствующихъ составить счастіе рода человѣческаго, и онъ осуществитъ ихъ въ будущемъ. Начала эти суть: братство между людьми и народами и господство Христіанскихъ идей. Польша принесла себя въ жертву для искупленія рода человѣческаго, и эта жертва даетъ ей право и увѣренность сдѣлаться благодѣтельницею всѣхъ народовъ, которымъ она передаетъ эти новыя начала; осуществленія ихъ она ожидаетъ не отъ совокупныхъ усилій людей и историческаго развитія, а отъ явленія великаго человѣка, который все обниметъ своею дѣятельностью, отъ новаго Мессіи, котораго предтечею былъ Наполеонъ.—Такова теорія Славянства, какъ его понялъ величайшій геній Польской словесности. Если бы эта теорія была только частнымъ созданіемъ болѣзненнаго воображенія, я не обратилъ бы на нее вниманія. Всякій день возникаетъ въ Европѣ какая нибудь новая система, о которой на дру-

---

(*) Мицкевичъ называетъ однако же Московское нарѣчіе языкомъ Русско-Финнскимъ (курсъ I, лекц. 26); онъ увѣряетъ, что Русскій литературный языкъ образовался въ С. Петербургѣ (II, 6), и что Великорусское племя не поетъ и не знаетъ, что такое музыка (тамъ же.) Кто сколько нибудь знакомъ съ дѣломъ, пойметъ нелѣпость всего этого. Польскій поэтъ самъ долженъ былъ чувствовать лживость своихъ словъ, ибо онъ долго жилъ въ Россіи. Грустно видѣть, что такой прекрасный геній, увлеченный духомъ партіи, низходилъ до недобросовѣстности и лжи.

(**) Мицкевичъ и вся его школа прямо отрицаютъ существованіе Русской народности и духовнаго начала въ Восточной Церкви.

(***) Это страннымъ образомъ подтверждается вѣковою политикою прежней Польши, употреблявшей всѣ свои усилія, чтобы преградить Россіи сношенія съ Западомъ!

гой же день уже не говорятъ; а теоріи Мицкевича минуло 15 лѣтъ. Но теорія эта есть въ нѣкоторомъ смыслѣ произведеніе народное. Мицкевичъ высказалъ формулу; но тѣ же самыя мысли одушевляли цѣлую семью поэтовъ, философовъ, публицистовъ, которые были представителями односторонняго Польскаго патріотизма, сперва въ Вильнѣ и Варшавѣ, а потомъ въ эмиграціи. Ложь Мицкевича есть выраженіе лжи, въ которой долго жила цѣлая литература, цѣлый народъ. Дѣйствительно, изложенная мною теорія вполнѣ соотвѣтствуетъ общему характеру прежнихъ Польскихъ стремленій. Это все тотъ же духъ узкаго эгоизма, который старается захватить Славянскій вопросъ въ свою исключительную пользу, прибѣгаетъ къ недобросовѣстности и лжи, для униженія другихъ народовъ, и, съ логическою непослѣдовательностью, къ несчастію, слишкомъ привычною Польскимъ умамъ, принимаетъ внѣшнія формы за внутренее содержаніе, дабы получить право восхвалять свои собственныя народныя начала.

Къ недобросовѣстности и лжи, говорю я, прибѣгаетъ Польскій теоретикъ, когда онъ ставитъ Чеховъ и Сербовъ въ нѣкоторую нравственную зависимость отъ Польской народности. ибо ему извѣстно, до какой степени характеръ всей исторической дѣятельности Чеховъ не сходенъ съ характеромъ дѣятельности Поляковъ (какъ видно особенно въ Гуситскихъ войнахъ); ему извѣстно, что если одинъ изъ этихъ народовъ имѣлъ вліяніе на другой, то, конечно, Поляки одолжены Чехамъ за многое въ своемъ просвѣщеніи, а никакъ не Чехи Полякамъ; ему извѣстно также, что Сербы не имѣютъ ничего общаго съ Польскими идеями, и что они обязаны сохраненіемъ своей народности единственно Восточной Церкви. А когда Мицкевичъ и вся лже-патріотическая школа Польская отрицаютъ существованіе Русской народности и представляютъ ее чѣмъ-то въ родѣ Монгольской орды, устроенной государственно, то этого нельзя назвать даже недобросовѣстностью, а развѣ только ослѣпленіемъ разгнѣваннаго ребенка. Логическая же непослѣдовательность, принимающая внѣшнюю форму за внутреннее содержаніе, причиною тому, что школа Мицкевича отваживается говорить о братствѣ, какъ объ основѣ, на которой опиралось въ прежнее время и стремится опираться въ будущемъ Польское общество и Польская политика, и когда она находитъ выраженіе этого братства въ старинной Польской конституціи, съ ея сеймами, которые объявляли себя вдохно-

венными Святымъ Духомъ (*) братства и взаимной любви, и съ ея актомъ соединенія Короны съ Литвою и Украиною: ибо братство было лишь пустымъ словомъ въ устахъ гордой касты, которая угнетала народъ, рѣзалась между собою (**) и нынѣ еще представляетъ картину раздора, коль скоро внѣшняя сила ея не сдерживаетъ (какъ доказываетъ внутренняя исторія Польской эмиграціи). Что же касается до международныхъ отношеній, то слово братства было, дѣйствительно, вписано въ грамотѣ соединенія Польши съ землями, которыя она пріобрѣла бракомъ Ягеллы; но извѣстно, что̀ было на самомъ дѣлѣ; извѣстно, какое угнетеніе Польша налагала на эти земли, какъ она преслѣдовала диссидентовъ, и чѣмъ она вызвала страшное возстаніе Хмѣльницкаго противъ этого братскаго соединенія. Событія эти, по видимому, должны, были нѣсколько разстроить Славянскую теорію Мицкевича, и потому онъ счелъ за лучшее обойти ихъ молчаніемъ (***), равно какъ не совсѣмъ безкорыстное участіе Польши въ дѣлахъ Московскаго государства во время междуцарствія. Нельзя, наконецъ, говорить безъ негодованія о томъ, какъ Польская мнимо-патріотическая школа смотритъ на религіозный вопросъ у Славянъ: ибо въ этомъ ея непослѣдовательность и недобросовѣстность доходитъ до богохульства. Мицкевича затрудняетъ тотъ фактъ, что Польша была чужда и даже враждебна преданію Св. Кирилла и Меѳодія, старавшихся сдѣлать Христіанство вразумительнымъ для Славянъ; онъ, правда, объявляетъ, что ихъ трудъ былъ внушенъ Римскимъ престоломъ (что не совсѣмъ ясно доказывается многократными запрещеніями, произ-

---

(*) Такова была, дѣйствительно, формула, безжизненный остатокъ древняго Славянскаго быта, начало котораго, впрочемъ, вообще является въ Польской исторіи въ видѣ внѣшней, условной и по этому самому безплодной формы.

(**) Мицкевичъ сознается, что «братское» сословіе, шляхта, не осуществила своего идеала вслѣдствіе своей гордости и своего презрѣнія къ народу; но онъ предполагаетъ, что конституція Косцюшки (актъ 3-го Мая) поправила бы все и возстановила бы древнее Славянское братство, потому что она распространяла на весь народъ права шляхты: какъ будто бы провозглашенный на бумагѣ законъ могъ уничтожить неравенство и распрю между людьми! Мы видимъ здѣсь ту же самую ошибку: форма, буква принимается за дѣло.

(***) Виноватъ, я ошибаюсь: Польскій писатель мимоходомъ упомянулъ о возстаніи Малороссіи; но какъ вамъ кажется, чѣмъ онъ его объясняетъ? Излишнею любезностью Польскихъ пановъ, побѣды которыхъ надъ сердцами козацкихъ дамъ будто бы такъ раздражили ихъ мужей, что они наконецъ воспылали мщеніемъ.

несенными этимъ престоломъ противъ Славянской литургіи еще при жизни Меѳодія и послѣ его смерти, и насильственнымъ подавленіемъ этой литургіи въ Богеміи и Далмаціи). Но какимъ образомъ успѣетъ онъ представить Польшу средоточіемъ Христіанской жизни у Славянъ, когда она терпѣла, чтобы Христіанство выражалось у нея на чужомъ языкѣ и когда она постоянно, болѣе или менѣе, преслѣдовала Славянское богослуженіе? Такая бездѣлица не останавливаетъ Польскаго теоретика. Все это не бѣда, по его мнѣнію. Не достаточно ли, если религіозное образованіе преподается народу на родномъ языкѣ, но въ состояніи ли онъ понять Писаніе и литургію? Нѣтъ: все равно, переведены ли священныя книги или нѣтъ, произносятся ли «священныя формулы», сопровождающія таинства, по-Латыни или по-Славянски,—и книги и формулы все же останутся недоступными уму простонародья и будутъ понятны лишь немногимъ ученымъ (См. курсъ I. лекц. 9.) Ясно, что Христіанство въ понятіи Мицкевича стало простымъ условнымъ обрядомъ, а таинства вѣры—исключительною принадлежностью образованнаго класса. Понятое въ такомъ видѣ Христіанство, естественно, должно было потерять свой божественный смыслъ въ теоріи Польскаго патріота, который, выдавая себя за его поборника, приходитъ однакоже къ невольному признанію, что оно въ его глазахъ недостаточно. Считая дѣло Спасителя несовершеннымъ, онъ простосердечно замѣняетъ его коллективнымъ существомъ, Польскимъ народомъ, который, по его мнѣнію, имѣетъ искупить будущія поколѣнія, а для того, чтобы найти опору своей вѣрѣ, онъ прибѣгаетъ къ возвѣщенію чуда: таковъ, дѣйствительно, характеръ появленія новаго Мессіи, котораго Мицкевичъ призываетъ для сверхъестественнаго вмѣшательства въ дѣла людскія.

Мои слова могли показаться жесткими. Но къ чему мнѣ было скрывать свое негодованіе при видѣ слѣпой страсти, вторгающейся въ святыню мысли, при видѣ людей, исполненныхъ таланта и почитающихъ себя патріотами, которые не устыдились прибѣгнуть къ явной недобросовѣстности, чтобы на ней основать систему, лестную для ихъ народнаго самолюбія. Повторяю: я не остановился бы на теоріи Мицкевича, если бы она была только личнымъ его произведеніемъ. Но эта теорія есть полное выраженіе началъ и стремленій такъ называемыхъ Польскихъ патріотовъ, всѣхъ писателей и мыслителей Польскихъ, которые одушевлены были вѣрою въ исключи-

тельное, особливое призваніе ихъ отечества. Мессіанизмъ Мицкевича есть послѣднее слово всей богатой и дѣятельной литературы, которая началась при паденіи Польши, и которую прославили имена Нѣмцевича, Горецкаго, Мальчевскаго, Гарчинскаго, Залескаго, Гощинскаго, Словацкаго и, надъ всѣми, самого Мицкевича. Потому-то безсиліе и бездѣйствіе наступило въ ней послѣ прежней дѣятельности, какъ скоро Мицкевичъ формулировалъ ея основныя начала. Ибо нелѣпость формулы должна была убить всю школу, которая выразилась въ ней, и односторонне-Польское патріотическое направленіе, породившее эти начала, уже не имѣло въ себѣ довольно силъ, чтобы въ замѣнъ ихъ выработать новыя.

VIII.

Какое мѣсто занимаютъ эти формулированныя Мицкевичемъ начала въ умственномъ мірѣ Славянскомъ? Они вполнѣ соотвѣтствуютъ тому мѣсту, которое занимала въ Славянской семьѣ сама Польша, по общественному своему устройству и народному характеру. Исторія показываетъ намъ, какъ природное братство между людьми и проистекающее изъ него общинное устройство, эти первоначальныя основы Славянскаго быта, со временемъ сдѣлались въ Польшѣ исключительнымъ достояніемъ одного сословія, которое, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ и вліяній, стало полновластнымъ хозяиномъ въ государствѣ. Чрезъ то самое начала эти утратили тамъ свою жизненность и сдѣлались какими-то условными, безплодными формами безъ внутренняго смысла. Точно также и Польская теорія, представленная Мицкевичемъ, принимая существованіе коренныхъ началъ Славянскаго племени, не въ силахъ постигнуть ихъ въ природной ихъ широтѣ и въ ихъ органической жизни, и придаетъ имъ характеръ формулы и привилегіи; Польскій народъ является въ этой теоріи съ такимъ же характеромъ шляхетскаго преимущества между Славянами, какой имѣло въ дѣйствительной жизни «братское сословіе» среди самаго этого народа.

Всѣ произведенія этой литературной школы Польской такъ односторонни, что они не могли имѣть никакого вліянія на другіе Славянскіе народы. Понятно, что теорія Славянства, выработанная Мицкевичемъ, не встрѣтила въ нихъ сочувствія. Поляки стоятъ одинокими въ Славянскомъ мірѣ. Другіе Славяне сожалѣютъ о нихъ;

они желаютъ, чтобы они присоединились къ ихъ стремленіямъ, но не имѣютъ возможности питать къ нимъ дѣйствительнаго сочувствія.

Событія 1848 года дали на нѣсколько времени Австрійскимъ Славянамъ надежду, что Поляки примутъ участіе въ ихъ дѣятельности. Они съ восторгомъ встрѣтили Польскихъ депутатовъ изъ Галиціи, пріѣхавшихъ въ Прагу на Славянскій сеймъ. Но вскорѣ сдѣлалось очевиднымъ, какъ далеко они расходились между собою въ убѣжденіяхъ и стремленіяхъ. Поляки хотѣли быть распорядителями и вождями всѣхъ другихъ Западныхъ Славянъ, въ надеждѣ увлечь ихъ къ революціи, на которой они думали основать политическую независимость своего отечества и его первенство въ Славянскомъ мірѣ; Чехи, Моравцы, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы отвергали напротивъ всякую мысль о насильственномъ переворотѣ и желали только мирнаго развитія своихъ народностей. Обѣ стороны разошлись еще болѣе, послѣ закрытія сейма, и встрѣтились потомъ только на полѣ битвы, въ Венгріи: Поляки—сражаясь за революцію и Мадъяровъ, за аристократовъ и тѣснителей Славянъ, другіе Славяне—за порядокъ и равноправность народностей, символомъ чего, по роковому заблужденію, служила тогда для нихъ Австрія. Такимъ образомъ Поляки отстранились отъ всѣхъ своихъ Западныхъ единоплеменниковъ и лишили себя возможности имѣть какое бы то ни было вліяніе на нихъ. Въ это же самое время представилось другое важное обстоятельство, которое тоже не мало способствовало тому, чтобы оттолкнуть всѣхъ Австрійскихъ Славянъ отъ союза съ Польшею. Я разумѣю возрожденіе Русской народности въ Галиціи.

Извѣстно, что въ Восточной половинѣ Галиціи живетъ болѣе 2 милліоновъ Малоруссовъ, говорящихъ на томъ же нарѣчіи, какъ поселяне Волынскіе и Подольскіе. Они сами называютъ себя Русскими (*Ру́синъ* въ единственномъ числѣ, *Русьскіе* во множественномъ) и принадлежатъ къ Уніатскому исповѣданію, принимаемому ими за Православную вѣру. Кромѣ того, въ Сѣверовосточныхъ округахъ Венгріи, пограничныхъ съ Галиціею, находится до 625,000 этихъ Малороссіянъ. Всѣ они принадлежатъ къ низшему сословію. Дворянство въ Галиціи по большей части Польское, въ Русинскихъ округахъ Венгріи—Мадъярское. Сверхъ того Галиція кормитъ безчисленное множество чиновниковъ-Нѣмцевъ и торгашей-Жидовъ. До 1848 года никто не помышлялъ тамъ о Русской народности. Ав-

стрійскія власти не признавали даже ея существованія, такъ что, когда, въ 1837 году, одинъ Галицкій патріотъ вздумалъ издать маленкій альманахъ на народномъ нарѣчіи, Львовская цензура запретила его единственно по причинѣ языка, на которомъ онъ былъ написанъ, ему пришлось печатать эту книжку въ Венгріи, гдѣ цензура была въ то время свободнѣе. Между тѣмъ почтенный ученый, г. Зубрицкій, нынѣ восьмидесятилѣтній старецъ, принялся за разработку отечественныхъ памятниковъ и началъ возстановлять исторію Русской народности въ Галиціи. Онъ, по привычкѣ, еще писалъ свои сочиненія по-Польски, но по крайней мѣрѣ указалъ молодому поколѣнію историческія права и значеніе Русской стихіи въ этомъ краѣ. Движеніе, овладѣвшее Славянскими народами въ Австріи въ 1848 году, проникло и въ Галицію. Всѣмъ Славянскимъ народностямъ въ имперіи дано было оффиціальное признаніе и обѣщано каждой введеніе ея нарѣчія въ мѣстное дѣлопроизводство и общественное преподаваніе. Естественно, что Галицкіе Русины захотѣли пользоваться этими общими правами, и отвергли Польскій языкъ, господствовавшій до тѣхъ поръ въ ихъ области. Сами Австрійскія власти, испуганныя революціонными попытками Краковскихъ и Львовскихъ Поляковъ, стали вдругъ покровительствовать Галицко-Русской народности, существованія которой онѣ прежде даже не признавали. Галиція раздѣлилась, въ 1848 году, на два враждебныхъ стана: революціонный Польскій и охранительный Русскій. Русины основали въ Львовѣ общество для литературнаго развитія народной стихіи, подъ именемъ Галицко-Русской Матицы; они учредили, подъ покровительствомъ Правительства, институтъ для образованія Галицкихъ Русиновъ, подъ названіемъ Русскаго Народнаго Дома во Львовѣ; они основали газеты на Малороссійскомъ и отчасти даже Великороссійскомъ языкѣ. Освобожденіе крестьянъ въ Галиціи (въ 1848 г.) много способствовало развитію Русинской стихіи. Но Поляки напали на эти новыя стремленія съ неимовѣрнымъ озлобленіемъ. Они называли Русскую, или Русинскую народность въ Галиціи выдумкою Австрійскихъ бюрократовъ и упорствовали въ своей ослѣпленной враждѣ къ этой народности, не смотря на благородныя усилія лучшихъ Чешскихъ, Хорватскихъ и Сербскихъ публицистовъ, склонить ихъ, именемъ справедливости и собственныхъ ихъ выгодъ, къ тому, чтобы они отказались отъ мысли налагать свой языкъ и свою народность на племя, желавшее воспользоваться правами внутренней самостоятельности.

которыхъ Поляки же требовали для самихъ себя. Вся литература Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году полна этой полемики, по случаю эгоистическихъ притязаній Поляковъ на Русскую часть Галиціи. Однако сами Русины дали твердый отпоръ этимъ притязаніямъ; стремленія народной Галицко-Русской партіи нашли сильную опору въ сочувствіи самаго населенія. Многія сельскія общины участвовали своими пожертвованіями въ учрежденіи Матицы и Львовскаго Народнаго Дома. Періодическія изданія и книги на Русскомъ нарѣчіи распространились въ деревняхъ, гдѣ прежде отъ роду не видали страницы, напечатанной на родномъ языкѣ. Венгерскіе Русины принимали также дѣятельное участіе въ этомъ возрожденіи ихъ народности

Но возвращаюсь къ предмету, о которомъ я говорилъ. Я изложилъ теоріи о Славянствѣ, какъ онѣ родились въ головѣ Польскихъ патріотовъ, и объяснилъ причины отчужденія другихъ Западныхъ Славянъ отъ этой Польской школы.—Какъ скоро ложь вполнѣ развилась, она падаетъ сама собою. Я сказалъ, что такъ называемая патріотическая школа Польская замолкла послѣ появленія теоріи Мессіанизма, выработанной Мицкевичемъ. Къ тому же политическія событія должны были разсѣять много мечтаній и призраковъ. Въ Польшѣ стало возникать новое направленіе, еще слабое, но которое несомнѣнно принесетъ прекрасные плоды. Къ этому направленію принадлежатъ ученые, каковы: Мацѣіовскій, Лукашевичъ, Бѣліовскій, Гельцель, Бартошевичъ, Малиновскій и многіе другіе, испытующіе безпристрастно показанія исторіи и филологіи. Къ этому направленію принадлежатъ знатоки народа, каковы: Войцицкій, Грегоровичъ, Кольбергъ и многіе молодые и талантливые писатели, изучающіе дѣйствительныя начала Славянскаго быта, въ томъ видѣ, въ какомъ они еще живутъ въ Польскихъ деревняхъ. Къ этому направленію принадлежатъ наконецъ поэты, каковы: Викентій Поль, Ленартовичъ, Кондратовичъ, которые не только не раздѣляютъ заблужденій своихъ предшественниковъ, а, напротивъ, взываютъ къ Польшѣ, чтобы она отказалась отъ своихъ эгоистическихъ самообольщеній и обновила свой духъ въ жизненныхъ началахъ, хранимыхъ въ ней еще народомъ. Мы находимъ уже у нѣкоторыхъ писателей старой школы, особенно у Лелевеля, признаки возвращенія къ дѣйствительности, страницы, въ которыхъ истина, сдѣлавшаяся очевидною въ слѣдствіе историческихъ изысканій, беретъ верхъ надъ одностороннимъ духомъ теорій Новое поприще, открывающееся Польскимъ умамъ, необъятно. Нынѣ

писатели новой школы слѣдуютъ еще простымъ эмпирическимъ путемъ; они разработываютъ древніе документы, они схватываютъ въ проявленіяхъ обыденной жизни духовныя начала, существующія въ народѣ. Но день придетъ, я увѣренъ, въ который шаги этой школы сдѣлаются тверже, и она поднимется на большую высоту, чтобы шире смотрѣть на міръ. Съ помощію неотклонимыхъ уроковъ современной исторіи, она мало-по-малу разсѣетъ вѣковые предразсудки Поляковъ, она расширитъ ихъ односторонніе взгляды и дастъ имъ возможность уразумѣть дѣйствительное братство съ Славянскими народами. Россія должна въ особенности радоваться этому новому направленію: ибо только оно можетъ дать ей друзей и братьевъ тамъ, гдѣ она имѣла до сихъ поръ лишь подданныхъ или враговъ. Но еще болѣе должна радоваться сама Польша этой новой зарѣ, которую безпристрастный разумъ и благородные труды науки ей возвѣщаютъ. Пусть выйдетъ она изъ своего ослѣпленія! Пусть отвергнетъ свои одностороннія стремленія! Пусть отвергнетъ аристократическій и народный эгоизмъ, который отчуждалъ ее столько времени отъ всѣхъ Славянскихъ племенъ! Пусть проникнется наконецъ убѣжденіемъ, что если она имѣетъ важное значеніе въ Славянской семьѣ, то она въ ней все-таки не старѣйшина и не распорядительница, и что она займетъ вновь мѣсто среди народовъ Европы тогда только, когда эта могущественная семья возвратитъ ей свое довѣріе и свою опору!

IX

Возрожденіе и развитіе Славянскихъ народностей въ разныхъ областяхъ Австріи происходило внѣ Польскихъ вліяній и стремленій и совершенно въ иномъ духѣ. Чехи первые подали знакъ къ этому возрожденію. Имъ принадлежитъ честь перваго проявленія идеи Славянства. Чехи, можно сказать, были предназначены своимъ положеніемъ и своею исторіею къ тому, чтобы сдѣлаться первыми провозвѣстниками Славянской народности. Вдвинутые въ самое сердце Германіи, окруженные Нѣмцами даже въ своей родинѣ, проникнутые Нѣмецкимъ образованіемъ, они принуждены бороться всѣми силами, чтобы сохранить свое народное бытіе. Эта борьба заставила ихъ почувствовать и сознать начало народности еще въ такую эпоху, когда это начало не представлялось мысли никакого другаго Евро-

нейскаго народа. Мы находимъ тому доказательство въ первомъ памятникѣ Чешскаго языка, дошедшемъ до насъ (это вмѣстѣ съ тѣмъ и первый письменный памятникъ, существующій у Славянъ вообще), именно, въ эпической пѣсни, относящейся несомнѣнно ко времени Карла Великаго и извѣстной подъ именемъ «Любушина Суда». Княжна Любуша говоритъ тамъ, между прочимъ, своему народу:

«Нехвально намъ въ Нѣмцѣхъ искать правду,
У насъ правда по закону свату (*святому*),
Ю же (*которую*) принесеху отци наши» и т. д.

Эти слова свидѣтельствуютъ о чувствѣ народности, уже весьма ясно понятомъ. Потомъ, въ XIV вѣкѣ, одна Чешская лѣтопись, называемая Далимиловою, представляетъ намъ идею народности такъ опредѣлительно сознанною и выраженною, что можно бы было подумать, что лѣтопись эта сочинена въ наше время (*). Страшное искорененіе протестантства въ Богеміи, во время 30 лѣтней войны, надолго подавило всякую жизнь въ этой странѣ. Чехи находились еще въ глубокомъ оцѣпенѣніи, когда Императоръ Іосифъ II велѣлъ замѣнить Латинскій языкъ Нѣмецкимъ въ администраціи и училищахъ Богеміи и принялъ разныя мѣры къ уничтоженію въ ней Славянскаго языка. Можетъ быть, и безъ того тамъ уже начиналось нѣкоторое пробужденіе Чешской стихіи; но политика Іосифа II несомнѣнно способствовала этому пробужденію, вызвавъ неудовольствіе противъ насильственнаго, административнаго распространенія Нѣмецкаго языка. Въ началѣ это противодѣйствіе было почти незамѣтно; жалкія театральныя піесы, правоучительныя книжки для народнаго чтенія и нѣсколько сочиненій, касающихся изученія Чешскаго языка, вотъ какія были первыя попытки этого возрожденія. Любопытно прочесть въ запискахъ Пражской Академіи Наукъ за 1790 годъ разсужденіе Пельцеля объ исторіи отношенія Германской и Славянской стихіи въ Богеміи. Пельцель начинаетъ съ разсказа о томъ, какъ древніе владѣтели Чешскіе покровительствовали первой изъ

(*) Въ лѣтописи Далимиловой такъ живъ, если можно такъ выразиться, характеръ современности, что Австрійская цензура не позволяла перепечатывать ее, и она могла быть вновь издана только послѣ революціи 1848 года. Но и теперь еще въ училищахъ употребляютъ лишь такое изданіе древняго Чешскаго лѣтописца, въ которомъ выключены выходки противъ Нѣмецкой народности.

этихъ стихій, даже въ ущербъ народности собственныхъ своихъ подданныхъ, такъ что уже въ XIV вѣкѣ Прага была полу Нѣмецкимъ городомъ. Онъ описываетъ Славянскую реакцію, извѣстную подъ именемъ Гуситскихъ войнъ, и показываетъ, какъ, по окончательномъ подавленіи этой реакціи въ 30-лѣтнюю войну, Германская стихія получила въ Богеміи перевѣсъ, по видимому неодолимый, и стала распространяться въ ней все болѣе и болѣе. Онъ изъ всего этого хода дѣлъ выводитъ, съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ чувствомъ живѣйшей скорби (ибо онъ былъ въ то время, вмѣстѣ съ Добровскимъ, Таномъ и Прохазкою, почти единственный въ Богеміи человѣкъ, искренно преданный Чешской народности), онъ выводитъ, говорю я, то заключеніе, что черезъ 50 лѣтъ Богемія не будетъ отличаться ничѣмъ отъ Меклембургіи и Бранденбургіи, гдѣ не осталось другихъ слѣдовъ первобытныхъ Славянскихъ жителей, какъ имена деревень и нѣсколько народныхъ повѣрій. А все-таки 50 лѣтъ уже прошло, и, вмѣсто упадка и смерти, совершилось въ Богеміи великое развитіе Славянской стихіи, проявилась въ ней новая жизнь. Самъ Добровскій, отецъ Славянской филологіи, еще не хотѣлъ писать на родномъ языкѣ: онъ считалъ его мертвою рѣчью и изучалъ ее съ этой точки зрѣнія. Между тѣмъ выступало новое поколѣніе. Ученые труды обратили вниманіе на Чешскую исторію, Чешскія древности, Чешскій языкъ. Покровительство двухъ вельможъ, носившихъ имена знаменитыя въ Чешскихъ лѣтописяхъ (Графа Каспара Штернберга и Графа Коловрата, тогдашняго оберъ-бурграфа Пражскаго), способствовало основанію народнаго музея и библіотеки (1820). Потомъ (въ 1831 г.) учрежденіе это было усилено, по настоянію человѣка энергическаго, г. Палацкаго, образованіемъ общества и капитала для содѣйствія развитію наукъ и словесности Чешской. Общество это, называемое Чешскою Матицею, имѣло огромный успѣхъ. Счастливымъ случаемъ было то, что именно въ эту пору возрожденія (въ 1819 г.) молодой Чехъ, г. Ганка, открылъ въ какой-то старой кладовой отрывки древнихъ народныхъ пѣсенъ красоты неподражаемой, и Чешская поэзія, которой до тѣхъ поръ недоставали оригинальные народные образцы, нашла въ нихъ чистый и живой источникъ вдохновенія. Новое поколѣніе принялось за дѣло съ рвеніемъ, предвѣщавшимъ Чешской народности блестящую будущность. Поколѣніе это уже не имѣло цѣлію, какъ предшествовавшіе дѣятели, доставлять только какое нибудь чтеніе для назиданія или

увеселенія простаго народа, который еще не зналъ по-Нѣмецки, оно не обращалось уже съ Чешской исторіею и филологіею, какъ съ предметами мертвыми. Что Добровскій предпринялъ въ языкознаніи, то примѣнено было молодымъ поколѣніемъ ко всѣмъ отраслямъ умственной дѣятельности. Добровскій создалъ панславизмъ, показавъ живое родство всѣхъ Славянскихъ нарѣчій. Его преемники перенесли идею панславизма въ область историческихъ наукъ и словесности. Прошу своихъ читателей не ужасаться этого слова « панславизмъ », которое я употребляю. Германія, и въ особенности Австрія, боясь Славянъ и ихъ соединенія, которому онѣ всегда приписываютъ, частью по невѣдѣнію, частью же по недобросовѣстности, совершенно чуждый ему политическій и революціонный характеръ, старались сдѣлать изъ панславизма какое-то страшилище для Европы, чтобы навлечь на него ненависть Запада; онѣ говорили, что панславизмъ приведетъ Русскіе орлы на берега Адріатики и на Эльбу. Чтобы заподозрить его въ глазахъ Россіи, онѣ придавали ему демагогическій характеръ и пользовались для того мнимо-панславистическими произведеніями Польскихъ публицистовъ. Но духъ этихъ произведеній совершенно противоположенъ и чуждъ, какъ мы ясно показали, духу всѣхъ другихъ Славянскихъ народовъ; впрочемъ, событія 1848 и 1849 года свидѣтельствуютъ, какъ мало въ Австрійскихъ панславистахъ склонности къ демагогіи, и какъ ихъ стремленія, всегда миролюбивыя, неопасны для спокойствія и образованности Запада. Эта идея ученаго и литературнаго панславизма была въ первый разъ провозглашена Словакомъ; изъ средины Венгріи распространилась она вскорѣ между всѣми Славянами Австрійскими. Я полагаю, что это не было простою случайностью. Словаки занимаютъ именно срединное положеніе между всѣми Славянскими племенами, соприкасаясь на Западѣ съ Чехами, на Сѣверъ съ Поляками, на Востокъ съ Русинами, и простираясь своими поселеніями на Югъ до границъ Сербскаго племени. Въ то же время ихъ положеніе, какъ отдѣльнаго народа, чрезвычайно шатко и невыгодно: у нихъ нѣтъ собственной, народной исторіи, тогда какъ она-то всего болѣе нужна, чтобы внушить народу сознаніе его особности, индивидуальности; у нихъ нѣтъ своей отдѣльной земли, ибо ихъ отечество есть вмѣстѣ съ тѣмъ отечество враждебной имъ народности Мадьярской, съ которою ихъ не разграничиваетъ никакая опредѣленная естественная черта; у нихъ нѣтъ никакого города до-

вольно значительнаго для того, чтобы онъ могъ сдѣлаться ихъ собственнымъ средоточіемъ (главныя средоточія Словаковъ суть два города, принадлежащіе не имъ однимъ, но и чужимъ народностямъ Прессбургъ и Пестъ); наконецъ, даже языкъ ихъ не носитъ на себѣ печати индивидуальной особенности и состоитъ, собственно, изъ нѣсколькихъ переходныхъ нарѣчій между Чешскимъ и Малороссійскимъ языками съ одной стороны и Чешскимъ и Польскимъ съ другой. Присовокупите къ этому, что Словацкое народонаселеніе довольно значительно по числу (Словаковъ считаютъ безъ малаго 3 милліона), что оно отличается чистотою Славянскаго характера и быта, что оно трудолюбиво и предпріимчиво и одарено великою силою размноженія, такъ что оно мало по малу распространяется на счетъ Мадьярскаго племени: тогда вы поймете важность этого народонаселенія, массы мягкой и не опредѣлившейся рѣзко, которую Провидѣніе какъ бы нарочно поставило по серединѣ разныхъ Славянскихъ народностей. Вотъ откуда раздался голосъ, который впервые заговорилъ Славянамъ объ ихъ умственной и нравственной общности и взаимности. Эта слава принадлежитъ сыну бѣднаго сельскаго писаря, предназначавшемуся отцемъ къ ремеслу мясника, Колару. Онъ сказалъ, что Славянскіе народы составляютъ одну семью, что они должны давать другъ другу нравственную опору, и что ихъ литература и ихъ ученые труды должны восполнять другъ друга взаимнымъ обмѣномъ мысли. Нужно было однако же, по мнѣнію Колара, предупредить излишнее разъединеніе Славянъ въ литературномъ отношеніи: ибо если бы каждое племя захотѣло имѣть литературу на собственномъ своемъ нарѣчіи, то произошелъ бы безвыходный хаосъ. Коларъ подалъ примѣръ самоотверженія: вмѣсто того, чтобы писать на своемъ родномъ языкѣ, онъ издавалъ свои сочиненія по Чешски, потому что Чешскій языкъ обладалъ уже довольно богатою словесностью, и употреблялся Словаками протестантами въ богослуженіи, съ тѣхъ поръ, какъ Гуситы передали имъ свою Библію и свои молитвенныя книги. По соображенію Колара, Славянское племя должно было имѣть четыре литературы: Русскую, Польскую, Чешскую (для Чеховъ, Моравцевъ и Словаковъ) и Сербскую (для Славянъ въ Южной Австріи и въ Турціи). Чтобы подкрѣпить свои мысли и сдѣлать ихъ осязательными, онъ написалъ свою знаменитую поэму, «Дочь Славы», и собралъ въ ней воедино всѣ воспоминанія, которыми Славянское племя можетъ гордиться, и которыя даютъ ему право ненавидѣть своихъ многочисленныхъ притѣснителей.

X.

Рядъ знаменитыхъ людей выступилъ въ Чехіи. Всѣ они пошли по пути, указанному Коларомъ. Назову только Юнгмана, Челяковскаго. Палацкаго, Пуркине, Ганку, Шафарика, Пресла. Ихъ труды были огромные. Едва прошло четверть столѣтія съ возрожденія Славянской народности въ Австріи, люди, давшіе толчекъ этому движенію, были еще живы,—и уже совершены были успѣхи неимовѣрные. Въ Чехіи возникла цѣлая новая литература. Молодой Чехъ могъ уже пріобрѣсти довольно полное и многостороннее образованіе на родномъ языкѣ, не прибѣгая къ помощи чужихъ литературъ; Славянская рѣчь, скрывавшаяся прежде въ деревняхъ и мастерскихъ, поднялась изъ своего униженія; гордая знать Богемская опять считала для себя честію говорить на языкѣ Жижки и Подѣбрада или по крайней мѣрѣ учить ему своихъ дѣтей; само правительство, хотя и неблагопріятствовало этому движенію, боялось однако подавлять его и относилось съ уваженіемъ къ возродившейся Чешской народности. Едва пробудившись сами, Чехи оказали великія услуги всему Славянскому просвѣщенію и пріобрѣли своею умственною дѣятельностью болѣе важное значеніе въ Славянскомъ мірѣ, чѣмъ какое они могли занимать по своему числу и своей политической силѣ. Ихъ столица заслужила названіе Славянскихъ Аѳинъ. Прага распространяла свое умственное вліяніе на всѣхъ Австрійскихъ Славянъ и служила имъ свѣточемъ. Это была пора обаянія и мечтательныхъ надеждъ.

Но и тогда уже внимательный наблюдатель могъ бы почувствовать нѣкоторыя опасенія. Онъ удивился бы тому, что новое поколѣніе, которое готовилось заступить мѣсто Палацкаго, Юнгмана, Шафарика, Ганки и ихъ сподвижниковъ, было далеко ниже ихъ въ отношеніи къ таланту и особенно энергіи, что поколѣніе переводчиковъ и журналистовъ должно было смѣнить этихъ строгихъ, сильныхъ мыслителей. И даже, при изученіи произведеній этихъ знаменитыхъ писателей, онъ удивился бы, находя въ нихъ, при превосходной аналитической учености, почти совершенное отсутствіе синтетическаго творчества. Онъ увидѣлъ бы, что, изучая до мельчайшихъ подробностей древности, языкъ, исторію, географію, народную поэзію, и преданія Чеховъ и другихъ Славянъ, они теряли изъ виду вопросы жизненные, общественныя и религіозныя начала этихъ народовъ,

причины ихъ развитія и паденія. Еще тягостнѣе поразилъ бы его разрывъ между Чехами, Моравцами и Словаками, этими тремя народностями, которыя всегда жили общею умственною жизнію, которыя въ своемъ союзѣ представляли немаловажную силу , а разрозненныя не имѣли бы почти никакого значенія; и которыя, наконецъ, взаимно дополняли другъ друга: ибо если Чехи вносили въ общее дѣло болѣе развитое образованіе и большую привычку къ умственной дѣятельности, то они могли напротивъ заимствовать отъ своихъ братьевъ чистоту Славянскаго характера и природную энергію, утратившіяся въ Богеміи подъ наплывомъ чужихъ стихій.

Союзъ казался окончательно упроченнымъ съ развитіемъ умственной дѣятельности Славянской въ Прагѣ, дѣятельности, которую вызвали общими силами Чехи, каковы—Юнгманъ и Челяковскій, Моравцы, каковъ—Палацкій, Словаки, каковы—Коларъ и Шафарикъ. Но тогда-то именно произошелъ разрывъ: ибо союзъ былъ собственно только искусственный. Хотя языкъ у нихъ общій, однако Чехи и Моравцы не считаютъ себя однимъ народомъ; они смотрятъ другъ на друга, какъ на чужихъ. Между ними существуетъ много началъ разъединенія. Въ Богеміи Славянская народность сохранилась одинаково въ городахъ и селахъ; повсюду болѣе или менѣе искаженное смѣшеніемъ съ многочисленными колоніями Нѣмецкими, Чешское населеніе тамъ весьма развито въ умственномъ отношеніи, оно одушевлено великими историческими воспоминаніями и весьма склонно къ религіозной свободѣ, отъ которой оно отказалось лишь послѣ двухвѣковаго геройскаго сопротивленія. Въ Моравіи, напротивъ, города почти совсѣмъ Нѣмецкіе, но села зато большею частію чисто-Славянскія. Моравцы лучше сохранили древній Славянскій характеръ и обычаи; но они по большей части простые поселяне, весьма мало развитые, бѣдные историческими воспоминаніями, и которые, вмѣсто того, чтобы являть, подобно Чехамъ, склонность къ Протестантизму и какое-то смутное стремленіе къ первобытному и народному Христіанству, отличаются, напротивъ , слѣпымъ довѣріемъ къ Католическому духовенству. Духовенство это поняло выгоды своего положенія въ Моравіи: оно поставило себя тамъ покровителемъ и защитникомъ Славянской народности, но воспользовалось этимъ покровительствомъ, чтобы овладѣть монополіею книгъ для народнаго чтенія. Оно создало въ Моравіи особенную Славянскую простонародную литературу, и успѣло отстранить этотъ край отъ вліянія Чеховъ.

XI.

Словаки отторглись отъ Чеховъ еще легче. Словацкая земля отдалена отъ Чехіи и почти вовсе не имѣетъ съ нею сношеній. Чехъ и Словакъ еще болѣе чужды другъ другу, нежели Чехъ и Моравецъ; ихъ нарѣчія различны. Католическое духовенство давно уже стало употреблять народный языкъ для образованія Словаковъ, желая отклонить ихъ отъ чтенія протестантскихъ, Чешскихъ книгъ, весьма распространенныхъ въ Сѣверной Венгріи. Коларъ,—протестантскій пасторъ,—напротивъ проповѣдывалъ, какъ мы видѣли, литературное единство съ Чехами. Но его преемники не хотѣли слѣдовать его примѣру. Штуръ, Годжа, Гурбанъ и другіе протестантскіе писатели, явившіеся между Словаками, сказали, что всякая Славянская народность имѣетъ право обработывать литературно свой собственный языкъ, что совершенно несправедливо было бы предпочитать чужое, обѣднѣвшее и исполненное германизмовъ нарѣчіе своему родному, болѣе богатому, звучному и свободному языку , что, наконецъ, для образованія Словацкаго народа нужно говорить ему на его собственномъ языкѣ. Буря нападокъ и брани поднялась противъ Штура и его сторонниковъ, которыхъ называли сѣятелями распри и измѣнниками общему дѣлу. Несмотря на то, они остались при своихъ убѣжденіяхъ и одержали побѣду. Они стали писать книги, поэмы, издавать газеты на простонародномъ нарѣчіи. Но положеніе ихъ было весьма затруднительно. Независимо отъ борьбы съ Чехами и отъ сильныхъ преслѣдованій, которымъ они подвергались со стороны Мадъяръ, они не были въ состояніи соединиться между собою. Мы знаемъ, что Словаки не составляютъ рѣзко обособленной народности, и что ихъ рѣчь не имѣетъ опредѣленнаго типа, но можетъ быть названа скорѣе сборомъ переходныхъ нарѣчій между нѣсколькими изъ Славянскихъ языковъ. Которое изъ этихъ нарѣчій слѣдовало принять за литературный языкъ? каждый писатель употреблялъ свое, и нарѣчіе это, перенесенное въ область словесности, становилось для всего остальнаго края такимъ же условнымъ языкомъ, какимъ былъ языкъ Чешскій для Словаковъ, которые его за это и отвергли. Никто не хотѣлъ сообразоваться съ нарѣчіемъ, которое предлагалъ тотъ или другой литераторъ, всякій писалъ по-

своему. Словацкая литература представлялась какимъ-то хаосомъ. Но я не сомнѣваюсь въ томъ, что изъ этого хаоса выработались плодотворныя начала.

XII.

Такое же несогласіе господствовало у Славянъ въ Южной Австріи. Совершенно разобщенные съ Чехами, Моравцами и Словаками массою чужихъ народовъ, Нѣмцевъ на Западѣ, Мадьяровъ по срединѣ и Валаховъ на Востокѣ, они не могли даже согласиться между собою. Ихъ умственное соединеніе въ одной общей, Сербской литературѣ осталось мечтою Колара. Ихъ положеніе и религіозныя начала разобщаютъ ихъ дѣятельность. Словенцы въ Стиріи, Краинѣ и Истріи составляютъ небольшой отдѣльный народъ въ 1,200,000 душъ. Они находятся подъ сильнымъ вліяніемъ Католическаго духовенства; города въ ихъ странѣ Нѣмецкіе и Итальянскіе; сами они заключены въ своихъ горахъ и долинахъ, гдѣ сохранили свой языкъ и свои обычаи скорѣе по привычкѣ, чѣмъ по чувству народности. На Востокъ отъ Словенцевъ живутъ Хорваты, еще менѣе значительные числомъ (ихъ считаютъ 800,000), и которыхъ нарѣчіе, не имѣющее рѣзко опредѣленнаго типа, составляетъ переходъ между языками Словенскимъ и Сербскимъ, но которые сильны чувствомъ своей вѣковой конституціонной независимости, утраченной лишь въ 1850 году. Наконецъ, всѣхъ многочисленнѣе, но и всѣхъ разъединеннѣе—Сербы. Сербы Далматинскіе, заключенные въ узкой полосѣ между Адріатическимъ моремъ и Турецкою границею, совершенно отрѣзаны отъ своихъ соплеменниковъ; Сербы—граничаре и Сербы Славонскіе раздѣлены между собою религіозною враждой: исповѣдующіе Католическую вѣру смотрятъ съ пренебреженіемъ на своихъ Православныхъ братій, которыхъ обозначаютъ презрительнымъ именемъ *Влаховъ* (т. е., мужиковъ, пастуховъ); Православные же считаютъ Католиковъ народомъ чужимъ, недостойнымъ даже носить имя Сербовъ (которое послѣдніе, впрочемъ, сами отвергли, довольствуясь мѣстными наименованіями, смотря по странѣ, въ которой они живутъ). Наконецъ, Сербы Австрійской Воеводовины, занимающіе обширное пространство на Юго-Востокѣ Венгріи и принадлежащіе къ Восточной Церкви, составляютъ сплошное населеніе только въ уголкѣ между низовьемъ Савы и Дуная; въ огромныхъ равнинахъ Темешварскаго Баната, Бачки и Бараньи, которые были

въ старину исключительно въ ихъ рукахъ, и на которые они и теперь имѣютъ права, ибо своею кровью освободили эти земли отъ Турокъ и возвратили ихъ хлѣбопашеству, мы находимъ неимовѣрное смѣшеніе народностей. Страна эта имѣетъ видъ мозаики Сербскихъ, Мадьярскихъ, Нѣмецкихъ и Румынскихъ деревень, перемѣшанныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ; въ каждомъ селеніи повторяется тоже смѣшеніе, происшедшее тамъ мало-по-малу, въ слѣдствіе перехода поземельной собственности изъ рукъ въ руки. Теперь въ цѣлой Воеводовинѣ осталось, кажется, только одно чисто Сербское село.

Умственная дѣятельность проявилась сперва въ этомъ краѣ, между Православными Сербами. Монахъ, покинувшій свою обитель, чтобы идти учиться въ Германіи и въ Греціи, Доспоей Обрадовичъ (умершій въ 1811 г,) положилъ начало новой Сербской словесности, замѣнивъ Церковно-Славянскій языкъ, дотолѣ употреблявшійся въ книгахъ, народнымъ нарѣчіемъ. Онъ однако же не хотѣлъ разрывать связи между новымъ Сербскимъ языкомъ и древнею рѣчью, которая составляетъ общую собственность всѣхъ Православныхъ Славянъ. Принимая за образецъ Русскаго поэта Ломоносова, онъ заимствовалъ изъ Церковнаго языка всѣ тѣ богатства, которыя казались ему соотвѣтствующими духу его народа. Его успѣхъ былъ значителенъ. Многіе молодые Сербскіе литераторы пошли по его слѣдамъ. Они основали (въ 1828 г.) въ Пестѣ, гдѣ они большею частію учились въ Университетѣ, литературное общество, которое послужило образцомъ для Пражской Матицы и ознаменовало первые годы своего существованія весьма полезными трудами.

Направленіе это не нравилось однако Католикамъ и Австріи. Оно слишкомъ громко провозглашало свою привязанность къ древней, Церковно-Славянской словесности, нераздѣльно связанной, у Славянскихъ народовъ, съ преданіями Православной Церкви. Былъ въ то время человѣкъ, по происхожденію Словенецъ, одинаково извѣстный по своимъ ученымъ трудамъ и по тому вредному вліянію, которое онъ имѣлъ на Славянское дѣло: это былъ Копитаръ. Онъ былъ первымъ изъ тѣхъ людей, мало дорожившихъ своею совѣстью, которые, снискавъ себѣ, своею ученою дѣятельностью, извѣстное значеніе въ Славянскомъ мірѣ, пользовались имъ потомъ, чтобы продать дорого свои услуги Австріи. Онъ сдѣлался ея довѣреннымъ лицомъ и ея агентомъ въ вопросахъ Славянскихъ. Даже въ дѣлѣ науки, въ которой Копитаръ имѣетъ несомнѣнныя заслуги, можно

замѣтить въ немъ мысль враждебную Славянскому духу и Восточной Церкви: ибо все, что онъ писалъ, имѣетъ цѣлью унизить значеніе Кириллицы, священнаго письма Православныхъ Славянъ, доказательствами въ пользу старшинства Глагольской азбуки (пользовавшейся, какъ извѣстно, покровительствомъ Рима), которой Кириллъ и Меѳодій были, по его словамъ, только подражателями, и въ пользу того мнѣнія, будто Славянскіе просвѣтители перевели Писаніе не на языкъ племени, принадлежащаго къ Восточной Церкви, на древній языкъ Болгаръ, какъ обыкновенно принимаютъ и какъ подтверждаютъ несомнѣнно новѣйшія открытія, а на языкъ Иллирійскихъ Словенцевъ, находившихся всегда подъ властію Рима. Этотъ Копитаръ подружился съ молодымъ Сербомъ, Вукомъ Караджичемъ, который перешелъ въ Австрію съ остатками войска Карагеоргія, и ученость котораго ограничивалась въ то время умѣніемъ читать и писать. Караджичъ отличался умомъ замѣчательнымъ и необыкновеннымъ знаніемъ народныхъ свойствъ и преданій Сербскаго племени. Онъ образовался нѣсколько при соприкосновеніи съ Сербскими литераторами въ Пештѣ. Копитаръ побудилъ его къ составленію новой Сербской азбуки, которая совершенно отрывалась отъ Кирилловскаго преданія, сохраняя только наружную форму Русскихъ буквъ, но вводя Латинскую систему правописанія. Съ помощью Копитара, Вукъ издалъ этой азбукою нѣсколько книгъ, чрезвычайно важныхъ для знакомства съ Сербскимъ народомъ, съ его языкомъ, обычаями и повѣріями. Онъ отвергалъ въ своихъ сочиненіяхъ всякое общеніе съ Церковно-Славянскою и Русскою литературою и требовалъ, чтобы Сербскіе писатели ограничивались стенографическимъ, такъ сказать, воспроизведеніемъ народной рѣчи; онъ совѣтовалъ имъ даже предпочитать, при заимствованіи чужихъ словъ, Турецкія Церковно-Славянскимъ или Русскимъ. Копитаръ распространилъ его славу въ Германіи; неподражаемая красота народныхъ пѣсенъ Сербскихъ, которыя онъ собралъ и издалъ, снискала ему признательность всѣхъ Славянъ и большое значеніе между ними. Его превозносили похвалами, особенно въ Россіи. Онъ нашелъ нѣсколькихъ послѣдователей между Сербскими литераторами. Однако, чего не поняли въ Россіи, то было понято Сербами. Они замѣтили, что Вукъ разрывалъ преданіе, связывавшее ихъ съ дѣломъ Св. Кирилла, и что азбука, имъ изобрѣтенная, вела ихъ прямо къ принятію азбуки Латинской (которая служитъ у Славянъ символомъ Католицизма). Живая и шумная по-

лемика возгорѣлась по случаю этой азбуки. Противники Вука, которыхъ сперва осмѣивали, какъ педантовъ и противниковъ прогресса, стояли однако такъ твердо, что, по видимому, одержали побѣду. Книги, печатаемыя въ Австріи для чтенія Православныхъ Сербовъ, продолжаютъ издаваться старымъ правописаніемъ: иначе духовенство и народъ отвергли бы ихъ, какъ писанныя въ духѣ Латинскомъ. Давидовичъ, заслуженный Сербскій писатель, который былъ секретаремъ князя Милоша, побудилъ его произнести, въ 1833 году, запрещеніе противъ изданій, напечатанныхъ азбукою Вука; и запрещеніе это было возобновлено, въ 1849 году, Сербскимъ Верховнымъ Совѣтомъ. Впрочемъ, направленіе Вука вскорѣ совершенно обнаружилось. Онъ издалъ, въ 1846 г., переводъ Новаго Завѣта на простонародный Сербскій языкъ, и въ переводѣ этомъ нашли, кромѣ ложно истолкованныхъ мѣстъ, одно, которое имѣло прямо цѣлію приписать Св. Петру верховную власть надъ Апостолами; узнали также, что переводъ этотъ былъ изданъ на счетъ Римской пропаганды.

Раздоръ, произведенный Вукомъ въ Сербской литературѣ, имѣлъ на нее весьма пагубное вліяніе. Онъ удержалъ ея развитіе. Лучшія силы ея обратились на безплодную полемику о томъ, можетъ ли существовать литературное преданіе, или писатели должны ограничиваться, въ слогѣ и правописаніи, мелочнымъ воспроизведеніемъ простонароднаго говора.

XIII.

Между тѣмъ въ Загребѣ (Аграмѣ) образовалась третья литературная школа. Ее основалъ нѣкто Д—ръ Гай, человѣкъ извѣстный, какъ одно изъ самыхъ искусныхъ орудій Австрійской политики. Эта литература должна была служить Хорватамъ и Сербамъ-католикамъ въ Славоніи, Далмаціи и Босніи. Хорватское нарѣчіе, употребляемое народомъ въ Загребѣ и его окрестностяхъ, было слишкомъ бѣдно и неопредѣленно, для того, чтобы оно могло сдѣлаться языкомъ литературнымъ. Потому Гай принялъ Сербскій языкъ, но сталъ писать на немъ Латинскими буквами. Но чтобы не называть этого языка Сербскимъ, такъ какъ въ этомъ имени народъ привыкъ заключать представленіе о Православіи, Гай придумалъ названіе Иллирскаго языка и Иллирской литературы.

Литература эта сперва пользовалась особеннымъ благорасположеніемъ Австрійскаго правительства. Надѣялись, что къ ней присоединятся мало-по-малу Православные Сербы наравнѣ съ Сербами Католиками. Притомъ имѣли въ виду возможность употребить здѣсь идею Славянства, какъ полезное орудіе. Кроація и Славонія входили въ составъ Венгріи, но имѣли свою особую конституцію и права, одинаковыя съ королевствомъ Св Стефана. Въ это именно время гордое дворянство Мадъярское, опираясь на свои вѣковыя привилегіи, начало поднимать вопросъ о народности и упорно противодѣйствовало замысламъ Вѣнскаго кабинета, стремившагося къ централизаціи. Оно уже сильно затрудняло его политику. Если бы Кроація и Славонія могли быть увлечены такимъ же движеніемъ, но въ противную сторону, то значительная часть силъ Мадъярской партіи была бы парализирована. Гай сдѣлался самымъ жаркимъ проповѣдникомъ Славянства; газета, имъ издаваемая, нашла сильный отголосокъ въ цѣломъ краѣ; Хорватское дворянство, сопротивлявшееся требованіямъ Мадъяровъ, стало поддерживать ее. Загорѣлась дѣятельная борьба между Хорватами и Славонцами, которые дорожили своими провинціальными правами, и Прессбургскимъ сеймомъ, который хотѣлъ навязать на нихъ Мадъярскій языкъ и Мадъярскіе законы. На выборахъ 1841 и 1845 года дѣло доходило до кровопролитія. Большая дѣятельность, литературная и политическая, возникла въ Кроаціи. Загребъ сдѣлался значительнѣйшимъ послѣ Праги, умственнымъ средоточіемъ у Австрійскихъ Славянъ. Тамъ принялись за перепечатываніе памятниковъ старой словесности Дубровницкой, Рагузанской, давно преданной забвенію, и въ нихъ нашли прекрасные образцы языка и стиха. Молодые писатели, одаренные талантомъ и отличавшіеся бо́льшею чистотою характера, чѣмъ тотъ человѣкъ, который имъ открылъ дорогу, успѣли уже составить въ Загребѣ цѣлую литературную школу. Таковы были Станко Вразъ, братья Мажураничи, Кукулевичъ, Вукотиновичъ, Боговичъ и другіе. Но странная неопредѣленность народнаго имени все еще не прекращалась. Сербы возстали противъ этой школы, которая пользовалась ихъ языкомъ, ихъ преданіями и ихъ народною славою и, прикрывая себя классическимъ именемъ, не имѣющимъ смысла въ дѣйствительной жизни, хотѣла исключить ихъ изъ числа народовъ. Приверженцамъ такъ называемаго Иллиризма нечего было возражать на это. Они, впрочемъ, сами вскорѣ отказались отъ этого имени, которое

оставалось чуждымъ народу. Политическія событія все болѣе и болѣе требовали отъ нихъ практической дѣятельности· имъ нужно было распространить въ народѣ идеи о Славянствѣ, чтобы найти опору противъ Мадъяровъ, которые становились со дня на день смѣлѣе и враждебнѣе. Общее наименованіе «Юго-Славянъ», предложенное нѣкоторыми писателями, имѣло тоже неудобство. будучи только научнымъ терминомъ. Пришлось обратиться къ имени «Хорваты», которое представляло по крайней мѣрѣ нѣчто живое и осязательное. Но по какому праву Хорваты употребляли Сербскій языкъ и требовали, чтобы ихъ городъ былъ умственнымъ центромъ Сербскаго народонаселенія, въ-шестеро болѣе многочисленнаго, нежели они сами? Обратились къ историческимъ памятникамъ, и нашли. что въ X вѣкѣ Далматинскіе Славяне назывались Хорватами, и что тогда существовало Хорватское королевство, обнимавшее не только Кроацію и Далмацію, но и Боснію. Если большая часть земель, въ которыхъ нынѣ господствуетъ языкъ Сербскій, въ старину называлась Хорватскою землею, сказали Загребскіе писатели, то Сербскій языкъ и Сербскія преданія наши, и мы имѣемъ полное право пользоваться ими, не будучи обязаны ограничиться неиспорченнымъ нарѣчіемъ маленькой области, сохранившей это, прежде столь распространенное, народное имя, или отказаться отъ имени Хорватовъ и принять имя Сербовъ, которое ввело бы насъ въ чужой религіозный міръ. Сербы, разумѣется, стали кричать, что у нихъ похищали ихъ народныя сокровища, и, обращая силлогизмъ въ противоположную сторону, могли сказать, что если край, въ древности извѣстный подъ именемъ Хорватскаго, нынѣ употребляетъ Сербскій языкъ, то вся исторія Хорватовъ есть ихъ собственность, и что Хорваты не имѣютъ права считать себя особымъ народомъ. Въ этомъ замѣтно, и еще въ сильнѣйшей степени, то странное явленіе, которое уже поразило насъ въ отношеніяхъ Чеховъ и Моравцевъ: мы опять видимъ два племени, говорящихъ на одномъ языкѣ, имѣющихъ общія преданія и общее прошедшее, и которыхъ однако же раздѣляетъ непреодолимое соперничество.

Надобно сказать еще нѣсколько словъ о литературѣ Словенской, возникшей въ Люблянѣ (Laibach) и Цѣловцѣ (Klagenfurth) въ послѣднее двадцатипятилѣтіе. Ея образованію содѣйствовало въ особенности Католическое духовенство. Оно не хотѣло, чтобы Словенцы въ Стиріи и Краинѣ присоединились къ умственному движенію Хор-

ватовъ и Сербовъ, не смотря на близость ихъ нарѣчій; оно опасалось, чтобы такое соединеніе не открыло Словенцамъ доступъ къ произведеніямъ Сербовъ «схизматиковъ». Нельзя требовать, чтобы литература, предназначенная для горсти Альпійскихъ поселянъ, имѣла блистательное развитіе. Въ ней однако же появился поэтъ съ несомнѣннымъ талантомъ, Прешеринъ, оставшійся въ неизвѣстности, потому что его голосъ не раздавался далѣе тѣсныхъ предѣловъ Словенскихъ долинъ.

Чтобы дополнить эту картину Западно-Славянскихъ литературъ и ихъ возрожденія, слѣдуетъ перенестись на Сѣверъ, за границу Австріи, въ предѣлы Саксоніи. Въ этомъ королевствѣ, гдѣ такъ сильно обозначился Нѣмецкій характеръ, равно какъ въ той части Лузаціи, которая была отдѣлена отъ него въ 1815 году и присоединена къ Пруссіи, сохранился, какъ островокъ, небольшой Славянскій край. Жители его, числомъ не болѣе 150,000, удержали имя Сербовъ; Нѣмцы называютъ ихъ Вендами; большая часть ихъ протестанты, и только 10,000 принадлежатъ къ Римской Церкви. Любопытно видѣть, какъ населеніе, столь малочисленное и потерянное среди массы Нѣмцевъ, умѣло, своимъ постоянствомъ и своею смышленостью, сохранить свою народность и, какую силу сопротивленія оно выказываетъ противъ Германской стихіи, которая окружаетъ его со всѣхъ сторонъ. Но его числительная слабость лишаетъ его значенія въ Славянскомъ мірѣ, и его литературныя стремленія развились подъ вліяніемъ Чеховъ, пробужденіе которыхъ вызвало изъ усыпленія Лужицкихъ Славянъ. Впрочемъ, это маленькое племя трудится на поприщѣ умственной дѣятельности съ ревностію, которая могла бы служить образцомъ для болѣе сильныхъ народовъ: оно имѣетъ теперь на своемъ языкѣ почти всѣ необходимыя для первоначальнаго образованія книги; оно имѣетъ свою газету, и литературное Славянское общество въ Будышинѣ (Bautzen) съ успѣхомъ занимается обработкою роднаго языка.

XIV.

Всѣ эти литературы, всѣ эти разнообразныя стремленія имѣютъ однако же общій характеръ; онѣ проникнуты одною общею идеею. Эта идея, которая бросается въ глаза въ каждомъ произведеніи Австрійскихъ Славянъ, равно какъ и Лужицкихъ Сербовъ, есть идея

народности. Народность есть ихъ общій девизъ. Съ этимъ девизомъ они боролись противъ преобладанія иноземныхъ стихій. Съ этимъ же девизомъ они разошлись между собою, съ нимъ Словаки разорвали литературную связь съ Чехами, съ нимъ школа Вука отвергла литературныя преданія своего отечества, чтобы ограничиться единственно современною жизнію народа, съ нимъ Хорваты и Словенцы образовали свои особыя литературы.

Идея народности такъ важна по тому значенію, которое она имѣла и имѣетъ еще въ Западно - Славянскомъ мірѣ, что нужно вникнуть въ ея смыслъ, дабы дать себѣ отчетъ о характерѣ умственной и политической жизни этихъ племенъ. Что такое народность, какъ ее понимаютъ Западные Славяне? Это есть право каждаго племени на свое индивидуальное существованіе, право быть самимъ собою, т. е., говорить и писать на своемъ языкѣ, сохранять свои преданія и быть управляемымъ, какъ особое племя. Идея народности не представляетъ Западнымъ Славянамъ ничего больше; въ ней они не видятъ никакого другаго начала. Но понятая въ этомъ смыслѣ народность есть, очевидно, нѣчто внѣшнее и отрицательное, форма безъ положительнаго содержанія. Она значитъ просто то, чтобы *не быть* Нѣмцемъ, Итальянцемъ или Мадъяромъ, когда человѣкъ родился Славяниномъ, чтобы *не быть смѣшиваему* правительствомъ съ другими народами. Но что говорить и дѣлать въ качествѣ Славянъ, чего бы еще не сказали и не сдѣлали или не могли сказать и сдѣлать также хорошо Нѣмцы, Итальянцы и Мадъяры? Какое жизненное начало можетъ отличить Чеха, Словака, Хорвата, Словенца, Лужичанина отъ чужихъ народовъ, ихъ окружающихъ? Что даетъ имъ право на бытіе, право сказать, что была бы потеря для рода человѣческаго, если бы они слились съ своими сосѣдями, Нѣмцами, Итальянцами или Мадъярами? Это такіе вопросы, о которыхъ Западные Славяне не думаютъ, и на которые они не дадутъ отвѣта.

Дѣло въ томъ, что они сохранили только внѣшнюю форму Славянской стихіи, языкъ, обычаи, преданія. Если въ глубинѣ личныхъ характеровъ живетъ Славянскій духъ, то эти врожденныя чувства, этотъ врожденный складъ мысли требовали бы совершенно иной среды, чтобы получить плодотворное развитіе. Но по своимъ общественнымъ началамъ, по своимъ религіознымъ идеямъ, по всей своей умственной сферѣ, Славяне эти принадлежатъ чужому міру, Проте-

стантскому и Католическому Западу (*); и этотъ чужой міръ, убивъ въ нихъ органическое развитіе Славянской жизни, далъ имъ въ замѣнъ лишь условныя формы.

Вотъ чѣмъ объясняется отсутствіе чувства единства у этихъ народовъ: ибо чувство это дается только тождественностью нравственныхъ и общественныхъ началъ; сходство языка, обычаевъ и преданій не въ состояніи создать его. Вотъ почему каждое племя у Западныхъ Славянъ стремится составить, въ умственномъ мірѣ, отдѣльную единицу; вотъ почему тамъ до такой степени размножились отдѣльныя мелкія литературы. Въ самомъ дѣлѣ, какъ каждое племя и каждое нарѣчіе имѣетъ одинаковыя со всѣми прочими право на индивидуальное бытіе, то оно и стремится пользоваться этимъ правомъ, потому что нѣтъ общаго внутренняго начала, въ силу котораго оно отказалось бы добровольно отъ своего права въ пользу единства. Вспомнимъ о Германіи, раздѣленной на 36 государствъ и говорящей на множествѣ областныхъ нарѣчій, гораздо болѣе разнородныхъ и непонятныхъ другъ другу, нежели самыя отдаленныя вѣтви Славянскаго языка, и которая тѣмъ не менѣе живетъ одною умственною жизнію, имѣетъ одну литературу; сравнимъ ее съ Славянскими племенами, которыя, находясь въ одной Австрійской имперіи и имѣя между собою столько общаго, породили однако 7 или 8 разныхъ литературъ, и мы поймемъ значеніе этой внутренней связи общественныхъ и нравственныхъ началъ. Есть еще другія отличительныя черты, свойственныя Западнымъ Славянамъ и происходящія изъ того же источника. Они сильны въ первую минуту увлеченія, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы востребовать себѣ право говорить и писать на своемъ языкѣ и принадлежать своей народности; но они тотчасъ являются безсильными, коль скоро эта первая борьба съ чужими вліяніями кончится, и настаетъ время ознаменовать свою умственную независимость чѣмъ нибудь положительнымъ. Почти всѣ литературныя произведенія Западныхъ Славянъ суть подражанія иностраннымъ образцамъ, или если они хотятъ быть оригинальными, то оригинальность ихъ заключается лишь въ формѣ,

(*) Нѣкоторыя стихіи духовной самостоятельности представляютъ, между Австрійскими Славянами, Православные Сербы; но они въ этомъ отношеніи принадлежатъ къ другому міру, къ Южнымъ Славянамъ, которыхъ средоточіе находится въ Турціи; потому мы въ этомъ вопросѣ оставляемъ ихъ въ сторонѣ.

перенесенной изъ народной рѣчи и поэзіи, тогда какъ въ общемъ планѣ созданія и въ идеяхъ не видно творческой свободы и силы. Ихъ ученые труды запечатлѣны, какъ я уже замѣтилъ, характеромъ аналитической учености, не восходящей до открытія органическихъ началъ. Потому-то и стремленія ихъ въ области умственной весьма скромны. Спросите ихъ, какая главная цѣль ихъ усилій въ наукѣ, и они вамъ отвѣтятъ, что цѣль эта—передать своему народу результаты Нѣмецкой науки, такъ чтобы онъ не имѣлъ нужды онѣмечиваться для полученія образованія. И можетъ быть, присовокупляютъ они охотно, удастся намъ освободить эти результаты Нѣмецкой науки отъ ихъ педантическаго и отвлеченнаго характера: какъ будто бы была возможность исправить внѣшній типъ этой науки безъ повѣрки ея положеній и ея метода! Мысль о самостоятельномъ и свободномъ участіи въ умственномъ трудѣ человѣчества не является имъ даже, какъ отдаленная мечта. Въ самомъ дѣлѣ, могутъ ли эти народы помышлять даже о второстепенной, даже о простой литературной и ученой дѣятельности подлѣ Германіи, которая подавляетъ ихъ своею могущественною работою? Едва успѣваютъ они охранять свой языкъ и внѣшніе признаки своей народности. Состязаніе было бы, конечно, возможно, если бы Австрійскіе Славяне составляли, подобно Германіи, одинъ духовный и нравственный организмъ. Но начала, которыя одни могли бы дать имъ эту органическую связь, забыты или отвергнуты въ продолженіе вѣковъ. И вотъ мы видимъ эти семнадцать милліоновъ Славянъ разъединенными, разсѣянными, страдательно подчиняющимися иноземному владычеству, въ которомъ они сами, по видимому, чувствуютъ потребность, служащими орудіемъ враждебному племени и враждебной жизни, бездѣйственно стоящими подлѣ Запада, который подступаетъ къ нимъ все ближе и ближе, который покрываетъ ихъ своими желѣзными дорогами, наводняетъ ихъ своими книгами, водворяетъ между ними свои колоніи и свои фабрики, втягиваетъ ихъ въ себя и поглощаетъ всѣ ихъ силы.

Но не слѣдуетъ еще отчаяваться въ будущности этихъ народностей, которыя только что выходятъ изъ многовѣковаго оцѣпенѣнія. Невозможно было, чтобы племена, едва получившія, можно сказать, право на существованіе, не захотѣли воспользоваться имъ каждое для себя и тотчасъ отказались отъ него для удовлетворенія требованіямъ единства, какъ бы требованія эти ни были законны и полезны. Невозможно было, чтобы, проживъ столько вѣковъ подъ

властію Германіи, они сохранили невредимо начала, которыя могли бы дать имъ органическую, своеобразную жизнь и создать у нихъ духовное единство, подобное тому, какимъ Германія обладаетъ уже столько времени. Начала эти Западнымъ Славянамъ придется пріобрѣтать вновь тяжелымъ трудомъ, черпая изо всѣхъ источниковъ, гдѣ Славянскія стихіи уцѣлѣли въ большей чистотѣ, и лишь послѣ долговременной работы духовнаго и общественнаго обновленія успѣютъ они составить естественный союзъ народностей, свободно соединенныхъ между собою общимъ духомъ, тамъ, гдѣ мы видимъ нынѣ лишь слабыя, разрозненныя племена, и гдѣ ученые тщетно силились установить искусственныя группы. Но Австрія допуститъ ли, чтобы они достигли этой цѣли? (1)

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

1848 годъ и его послѣдствія для Австрійскихъ Славянъ. Ихъ настоящее положеніе.

I

Наступилъ 1848 годъ: роковой годъ, память котораго Западные Славяне проклинаютъ, но который они обвиняютъ напрасно, потому что событія его лишь разсѣяли ихъ обманчивыя мечты и обнаружили ихъ слабость. Всякій политическій порядокъ вдругъ прекратился въ Австріи. Разные народы, составлявшіе эту державу, Нѣмцы, Итальянцы, Мадъяры, устремились по новымъ путямъ, полные одушевленія и надеждъ. Я не защищаю ученій, которыя ихъ увлекли, и увѣренъ, что эти ученія должны были привести за собою пагубные результаты, ознаменовавшіе 1848 и 1849 г.; но если путь былъ ложенъ, то тѣ, которые бросились по этому пути, выказали по крайней мѣрѣ духъ предпріимчивости и увѣренность въ своихъ силахъ. Какая была роль Австрійскихъ Славянъ въ эту критическую минуту? Они явили геройскую твердость въ защитѣ своей народности отъ

---

(1) Но Россія допуститъ ли Австрію подавить Славянскую народность? спросимъ мы въ свою очередь. Мы разумѣемъ здѣсь подъ Россіею—Русское общество, Русскихъ людей, сочувствіе которыхъ способно дать огромную нравственную силу нашимъ угнетеннымъ единоплеменникамъ. Просимъ читателей обратить особенное вниманіе на приложенное въ концѣ книги письмо къ Славянскимъ ученымъ и литераторамъ, написанное отъ имени издателя «Р. Бесѣды» и издателя газеты «Парусъ».

Прим. Ред.

враждебныхъ покушеній Нѣмцевъ и Мадъяровъ, но даже не подумали о томъ, чтобы организоваться и создать что нибудь прочное для будущаго

Я не стану описывать стойкости Чеховъ противъ Тевтонскихъ притязаній Франкфуртскаго парламента и противъ происковъ ихъ собственныхъ соотечественниковъ—Нѣмцевъ; я не стану изображать твердаго отпора, который подобныя попытки встрѣтили у Стирійскихъ и Краинскихъ Словенцевъ; я не буду говорить о самоотверженіи бѣдныхъ безоружныхъ Словаковъ, когда они отстаивали свое народное бытіе передъ фанатизмомъ воинственныхъ и могущественныхъ Мадъяровъ. Нѣтъ нужды разсказывать кровавую исторію Сербовъ и Хорватовъ, какъ они поголовно поднялись, за своимъ Патріархомъ и Баномъ, чтобы противостать, съ оружіемъ въ рукахъ, всѣмъ силамъ Венгріи; нѣтъ нужды разсказывать эту неравную борьбу, въ которой столько геройства было награждено такимъ обманомъ. Одной идеѣ всѣ эти племена принесли столько жертвъ, идеѣ народности, которой значеніе мы уже опредѣлили. Палацкій формулировалъ ее въ знаменитой своей статьѣ, и его формула сдѣлались программою всѣхъ Австрійскихъ Славянъ въ 1848 году. Эта программа требовала равенства всѣхъ народностей и права для каждой изъ нихъ, чтобы ея языкъ свободно развивался и получилъ оффиціальное признаніе въ области, гдѣ онъ употребляется. Но было ли это право практически примѣнимо? Если бы Славянская народность составляла въ Австріи одно цѣлое, то она могла бы требовать себѣ мѣста наравнѣ съ Нѣмецкою, Итальянскою и Мадъярскою; но семи Славянскимъ народностямъ, стремящимся каждая къ полной внутренней автономіи, трудно было выдержать борьбу съ соперничествовавшими стихіями. Гдѣ бы они нашли себѣ основу и точку опоры? Даже если бы равенство было признано и утверждено за ними закономъ, то все-таки онѣ заняли бы весьма неравныя мѣста, смотря по ихъ дѣйствительному значенію. Очевидно, абсолютное равенство народностей, какого хотѣли тогда Австрійскіе Славяне, было мечтою, подобною абсолютному равенству между людьми, проповѣдывавшемуся тогда въ Европѣ.

Мечта эта сдѣлалась однако на нѣкоторое время девизомъ Австріи, девизомъ, чтобы раздѣлаться съ которымъ, стоило ей только потомъ оставить его въ бумагахъ своего архива. Подъ господствомъ этой мечты собрался въ Прагѣ Славянскій сеймъ. Изо всѣхъ сеймовъ этой эпохи,

столь обильной совѣщательными собраніями, Славянскій сеймъ въ Прагѣ былъ самый безсильный. Онъ съѣхался, но члены съ трудомъ понимали другъ друга. Одинъ говорилъ по-Чешски, другой по-Польски, третій по-Сербски, четвертый по-Малороссійски. Не рѣдко, для того, чтобы объясниться съ товарищемъ—депутатомъ, члены прибѣгали къ помощи иностраннаго языка. Разсуждали о пустыхъ вопросахъ, подавали голоса объ общихъ мѣстахъ.

При всемъ томъ, этотъ безвредный сеймъ былъ ненавистенъ въ Вѣнѣ. Славянство выступало въ немъ слишкомъ смѣло, оно слишкомъ явно соперничало съ Франкфуртскимъ парламентомъ и съ Германскими стремленіями, которыя преобладали въ столицѣ. Нѣмецкая партія отрядила въ Прагу толпу молодыхъ демократовъ. Они произвели тамъ нѣкоторые безпорядки, стычка съ солдатами послужила князю Виндишгретцу предлогомъ бомбардировать городъ и разогнать сеймъ почти на-канунѣ дня, въ который онъ намѣревался наконецъ приступить къ разсужденію о принятіи одного изъ Славянскихъ нарѣчій за общій оффиціальный и литературный языкъ.

Впрочемъ, Пражскій сеймъ былъ лишь незначительнымъ эпизодомъ исторіи Австрійскихъ Славянъ въ эту тревожную эпоху. Главный фактъ этой исторіи есть та добровольная и единодушная опора, которую они дали Австрійскому правительству. Всѣ народности, Нѣмцы, Итальянцы, Мадъяры были въ открытомъ возстаніи противъ него. Вѣнскіе граждане выгнали Габсбурговъ изъ ихъ древней столицы. Славяне всѣ, безъ внѣшняго побужденія и безъ предварительнаго соглашенія, объявили себя въ пользу древней династіи. Чехи дали ей первую нравственную опору, какую она нашла въ ту минуту, когда все, по видимому, обратилось противъ нея. Вся Германія, имѣя во главѣ Франкфуртскій парламентъ, провозгласила, такъ сказать, уничтоженіе Австріи; и въ эту минуту самый вліятельный изъ Чеховъ, г. Палацкій, выступилъ на защиту Австрійской монархіи именемъ Славянскихъ интересовъ; Чехи послушались его голоса. Гавличекъ, пользовавшійся еще большею популярностью, нежели Палацкій, сталъ говорить и писать въ томъ же духѣ, и его мнѣніе, выражаемое въ « Народныхъ Новинахъ », которыхъ онъ былъ издателемъ, руководствовало Славянами въ Чехіи и Моравіи. Между тѣмъ какъ Чехи защищали Габсбургскую монархію передъ общественнымъ мнѣніемъ Германіи, въ Венгріи Словаки подымались за Австрію, Хорватскіе полки умирали за нее на поляхъ Италіи, мужест-

венное народонаселеніе Кроаціи, Славоніи и Сербскихъ краевъ въ Бачкѣ, Банатѣ и Сремѣ вооружалось поголовно подъ знаменемъ Цесаря для противоборства революціи и Мадьярамъ. Народный сходъ Сербовъ, собравшійся 3-го Мая 1848 въ Карловцахъ, былъ первымъ усиліемъ спасти Австрію отъ Мадъяровъ, точно также, какъ протестъ, написанный почти въ тотъ же день Палацкимъ въ Прагѣ, былъ первою помощію, поданною ей противъ революціонной Германіи. Я не послѣдую за Хорватами Елачича въ ихъ походахъ въ Венгріи и не буду также описывать отчаянной борьбы горсти Сербовъ противъ регулярной арміи Мадъярской. Достаточно, если я скажу, что Славяне *одни* вооружились за Австрію въ 1848 году, что *всѣ* Славянскія племена стали за нее въ годину опасности (за исключеніемъ Поляковъ, которые постоянно дѣйствовали розно съ своими соплеменниками), и что *Славяне* поддержали ее своими силами, пока вмѣшательство Россіи не спасло и не утвердило ея.

Зная это, я спрашиваю себя: какая причина побудила Славянъ жертвовать собою такъ усердно для правительства, стихіи котораго имъ чужды? Развѣ они его любили? Напротивъ, они ненавидѣли его, всѣ безъ исключенія, Чехи, Словаки, Словенцы, Хорваты, Сербы, они ненавидѣли его изъ глубины сердца: кто можетъ отрицать это или въ этомъ сомнѣваться? Развѣ оно внушало имъ довѣріе? Напротивъ, Вѣнское вѣроломство обратилось у нихъ въ поговорку, и Чехи, Хорваты, Сербы слишкомъ хорошо знали свою исторію, полную посягательствъ на ихъ народную и религіозную независимость, чтобы они могли обманываться надеждою на обѣщанія, которыя Австрія имъ расточала въ замѣнъ получаемыхъ отъ нихъ услугъ. Стало быть, надобно, вѣрно, искать другой причины, заставившей эти народы собраться подъ знаменемъ Габсбургской державы. Инстинктивное и неодолимое чувство ихъ собственной слабости, ихъ разъединенія и неспособности создать своими силами новый порядокъ вещей, вотъ что принудило ихъ искать внѣ себя точки опоры и готоваго средоточія, которое стояло бы выше ихъ внутреннихъ распрей. «Если бы Австріи не было, намъ бы нужно было ее выдумать», говорилъ Банъ Елачичъ съ глубокимъ и, безъ сомнѣнія, скорбнымъ убѣжденіемъ въ своей прокламаціи къ Славянскимъ народамъ, въ которой онъ объяснялъ причины похода, предпринимаемаго имъ на Вѣну для возстановленія власти Габсбурговъ. Чтобы скрыть отъ собственныхъ глазъ свое тяжелое положеніе, заставлявшее ихъ сдѣлаться поборниками правительства, которое они

всегда считали своимъ злѣйшимъ врагомъ, эти несчастныя племена въ продолженіе двухъ лѣтъ ласкали себя мечтами о равноправности народностей, которую Австрія съ радостью признала и утвердила за ними, зная, что это была только фраза, которая не могла имѣть приложенія на дѣлѣ.

II.

Спасенная Славянами, своими подданными, и Россіею, Австрія измѣнила свои правительственныя начала. Вѣнское министерство отбросило древнее преданіе такъ называемаго «отеческаго» управленія, которое Габсбургская династія дотолѣ признавала нравственною основою своего правительства. Оно отвергло и уничтожило всѣ историческія права и преимущества отдѣльныхъ областей, и за единственную опору приняло внѣшнюю силу, т. е., войско, полицію и административную централизацію, которая есть та же внѣшняя сила въ рукѣ, ею располагающей. Австрійское правительство воспользовалось, какъ своимъ достояніемъ, двумя единственными прочными результатами, которые конституціонныя попытки 1848 и 1849 годовъ успѣли выработать, т. е., равенствомъ сословій передъ закономъ и уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія. Оно осуществило на дѣлѣ эти двѣ мѣры, изготовленныя и объявленныя Вѣнскимъ и Кромѣрижскимъ (Кремзирскимъ) сеймами, и получило черезъ это большое вліяніе на умы простаго народа въ Богеміи, Моравіи, Галиціи, Кроаціи, Штиріи, Славянскихъ краяхъ Венгріи и проч. Оно вездѣ выказывало особенную заботливость о низшемъ классѣ, стараясь всячески подавить и разорить дворянство, дорожившее остатками древняго областнаго самоуправленія, тогда какъ простой народъ былъ весьма равнодушенъ къ этимъ привилегіямъ, которыми никогда не пользовался.

Можетъ быть, Австрія въ то время могла бы обновиться дѣйствительно, пріобрѣсти дѣйствительную силу и крѣпость. Ей стоило только выполнить дѣло, которое она объявляла цѣлію своихъ усилій, т. е., трудиться дѣйствительно для блага земледѣльческихъ массъ, и въ особенности 16 милліоновъ Славянскихъ поселянъ, которые пролили за нее столько крови, и которыхъ она такъ хорошо умѣла защищать отъ ихъ прежнихъ помѣщиковъ. Нужно было только оказывать нѣкоторое вниманіе къ матеріальнымъ интересамъ, нѣкоторое уваженіе къ народнымъ и религіознымъ чувствамъ этихъ миролюби-

выхъ массъ, которыя, при всей ненависти къ Нѣмецкой администраціи, были однако же, большею частію, искренно преданы особѣ своего государя. — и Габсбургская династія нашла бы въ нихъ непоколебимую опору. Но судьба, какъ кажется, рѣшила иначе.

Бѣдственное состояніе финансовъ сдѣлало нужнымъ огромное приращеніе налоговъ, а честолюбивое желаніе играть тотчасъ важную роль въ Европейской политикѣ помѣшало Австрійскому правительству заняться поправленіемъ этихъ обстоятельствъ. Оно стало тратить огромныя суммы, чтобы имѣть всегда на готовѣ армію слишкомъ въ 500 тысячъ человѣкъ и чтобы поминутно приводить то одинъ корпусъ, то другой на военное положеніе. Кромѣ войска, административная централизація, которую вводили, полиція и корпусъ жандармовъ, которымъ дали огромное развитіе, были источникомъ непомѣрныхъ расходовъ, и, для покрытія ихъ, казна представляла только постоянный дефицитъ. Безпрерывно увеличивали подати. Такъ называемыя коронныя области (Эрцгерцогство, Иллирія, Богемія, Моравія, Галиція и т. д.) платятъ теперь въ 5 или въ 6 разъ больше, чѣмъ до 1848 г., а извѣстно, что эти страны были всегда обременены налогами. Въ провинціяхъ же, которыя прежде пользовались привилегіями (Венгрія, Кроація, Трансильванія и т. д), налоги по меньшей мѣрѣ удесятерились. Австрійскій подданный, имѣющій поземельную собственность, отдаетъ теперь казнѣ по крайней мѣрѣ треть своего дохода, не считая мѣстныхъ поборовъ и косвенныхъ податей. Это страшное бремя, которое дѣлается еще несноснѣе отъ безпрестанныхъ притѣсненій, было еще увеличено тягостью насильнаго займа, названнаго національнымъ.

Такая несчастная система лишила правительство плодовъ, которыхъ оно могло бы ожидать отъ мѣръ, принятыхъ имъ въ пользу земледѣльческаго класса. Всякій поселянинъ въ Австрійской имперіи скажетъ вамъ, что онъ теперь платитъ одной только казнѣ гораздо больше, нежели онъ прежде давалъ своему помѣщику и правительству вмѣстѣ. Потому-то неудовольствіе, можетъ быть, такъ же велико въ простомъ народѣ, какъ въ дворянствѣ, хотя оно въ первомъ не такъ легко обнаруживается, какъ въ послѣднемъ. Странно, что Вѣнское министерство не обращаетъ никакого вниманія на жалобы и нужды этихъ массъ, которыя однако же, въ странѣ почти исключительно земледѣльческой, какова Австрія, должны бы были болѣе всего озабочивать правительство. Никогда неурожай, ни-

когда голодъ не былъ уваженъ для временнаго облегченія налоговъ въ той или другой области. Все вниманіе правительства, по видимому, поглощено банкомъ, промышленностью и торговлею. Трудно объяснить себѣ такое предпочтеніе. Неужели промышленный блескъ Англіи и Франціи до такой степени ослѣпилъ глаза въ Вѣнѣ? Но, стало быть, тамъ не понимаютъ, какъ далеко потребности народовъ, населяющихъ Австрію, расходятся съ потребностями Западныхъ державъ. Или, можетъ быть, Австрійское правительство думаетъ, что, промышленный и торговый классъ составляетъ орудіе болѣе гибкое и удобное, нежели земледѣльческій людъ, и покровительствуетъ этому классу, потому что онъ почти весь Нѣмецкій; тогда какъ земледѣльцы по большей части Славяне, Мадьяры, Румыны? Но, стало быть, оно забыло самыя близкія событія современной исторіи, оно забыло, какую роль играли съ одной стороны Вѣнскіе мѣщане, съ другой земледѣльцы Славяне и Румыны въ дѣлахъ 1848 года.

III.

Какъ бы то ни было, Австрійское правительство не позаботилось о томъ, чтобы упрочить бережливостью и снисканіемъ расположенія народностей власть, которую стеченіе обстоятельствъ ему возвратило. Оно думало только о томъ, какъ бы пользоваться этою властію для того, чтобы играть важную роль въ Европейской политикѣ и чтобы внутри приготовить себѣ въ будущемъ не живой союзъ народовъ, съ преданностью окружающихъ общій престолъ, но слѣпую массу равнодушныхъ людей, лишенныхъ чувства народности. Я не высказываю предположенія, а говорю о фактѣ, который господствуетъ надъ всею внутреннею политикою Австріи.

Читатель видѣлъ, что желанія и требованія Славянскихъ областей не были неумѣренны. Онѣ добровольно защитили правительство во время опасности, потому что чувствовали невозможность обойтись безъ Вѣнскаго средоточія, а въ замѣнъ требовали только нѣкотораго уваженія къ ихъ языку и историческимъ преданіямъ, только нѣкоторой автономіи въ ихъ внутренней администраціи, но никогда не помышляли, развѣ только въ какихъ нибудь пустыхъ газетныхъ возгласахъ, о томъ, чтобы препятствовать правительству въ общей политикѣ и во всемъ, что касается до правъ верховной власти. Вмѣсто того, чтобы уважить ихъ желанія, Австрійское правительство поставило себѣ открыто за цѣль подавить Славянскія народ-

ности, не принимая вовсе въ разсчетъ обѣщаній, данныхъ въ 1848 и 1849 годахъ. Оно подчинило Австрійскую имперію такой же полной централизаціи, какъ та, которая въ самой Франціи возбуждаетъ столько жалобъ. Кроація, потерявшая 80,000 человѣкъ въ сотнѣ битвъ за Габсбургскую династію, получила въ награду уничтоженіе своихъ восьмивѣковыхъ привилегій, введеніе Нѣмецкаго языка въ администрацію, судопроизводство и школы, и, наконецъ, удесятеренные налоги. Сербы, оказавшіе правительству столь важную услугу въ 1848 г., были обмануты съ безстыдствомъ, которому трудно найти примѣръ въ исторіи. Они просили исполненія обѣщаній, данныхъ имъ въ старину императоромъ Леопольдомъ, когда онъ пригласилъ ихъ перейти изъ Турціи въ Венгрію и образовать тамъ милицію для защиты Австріи отъ мусульманъ; обѣщанія эти состояли въ дарованіи имъ особой администраціи подъ начальствомъ выбраннаго народомъ воеводы и въ признаніи свободы православнаго вѣроисповѣданія подъ управленіемъ патріарха, и эти старинныя, но никогда не осуществленныя на дѣлѣ права были за ними торжественно обезпечены императоромъ Францемъ-Іосифомъ, при его восшествіи на престолъ. Дѣйствительно, учредили Сербскую воеводовину и отдѣлили ее отъ Венгріи, но подчинили управленію Темешварскихъ властей, т. е, Нѣмецкихъ чиновниковъ. Возстановили титулъ Сербскаго воеводы, но объявили его присвоеннымъ лицу императора. Оффиціально признали за Карловецкимъ архіепископомъ, высокопреосвящ. Іосифомъ Раячичемъ, титулъ патріарха, но поручили министерскимъ приказомъ Новосадскую эпархію, заключающую въ себѣ чуть ли не три четверти всего края, подчиненнаго непосредственному вѣдѣнію патріарха, его постоянному противнику, Будимскому (Офенскому) епископу Платону Атанасковичу, который состоялъ въ 1848 и 1819 г. подъ покровительствомъ Кошута (1) и запечатлѣлъ свое примиреніе съ Австріею изданіемъ брошуры,

(1) Революціонное Мадьярское министерство, провозгласивъ въ 1848 г. патріарха Раячича измѣнникомъ отечеству, передало его званіе Будимскому епископу. Сербы увѣрены, что, послѣ смерти святѣйшаго Іосифа, Атанасковичъ получитъ отъ Австрійскаго правительства должность, которую предназначалъ ему Кошутъ. Когда его опредѣляли епископомъ Новосадскимъ, патріархъ протестовалъ и не хотѣлъ признать его, потому что это избраніе было сдѣлано безъ его вѣдома, тогда какъ законъ даетъ ему совѣщательный голосъ при замѣщеніи Новосадской епископской каѳедры. Онъ долго упорствовалъ, но наконецъ (въ 1856 году) настоянія министерства принудили его уступить и помириться съ Атанасковичемъ.

почитаемой Сербами какимъ-то еретическимъ произведеніемъ: онъ старался доказать въ ней, что православная Церковь въ Австріи зависитъ во всѣхъ отношеніяхъ исключительно отъ воли Цесаря и существуетъ только по его милости. Сербы просили, чтобы Мадьярскій языкъ былъ исключенъ изъ судилищъ и общественнаго преподаванія въ ихъ краѣ, гдѣ его ввели въ недавнее время; ихъ желаніе было исполнено, но на мѣсто Мадьярскаго языка былъ введенъ Нѣмецкій. Такимъ же точно образомъ поступали во всѣхъ другихъ Славянскихъ областяхъ. Министерство кн. Меттерниха сдѣлало тамъ, правда, весьма неохотно, разныя уступки народной стихіи, и первою мѣрою, принятою въ 1848 году, было повсемѣстное введеніе народнаго языка въ общественныя училища и въ областное дѣлопроизводство. Все это мало-по-малу отмѣнили. Народный языкъ былъ оставленъ только въ элементарныхъ школахъ, и то, надобно сказать, главнымъ образомъ, какъ средство для обученія дѣтей начаткамъ Нѣмецкаго языка. Гимназіи и университеты стали опять чисто Нѣмецкими. Нѣмецкій языкъ былъ введенъ даже тамъ, гдѣ не существовалъ до 1848 года, какъ напримѣръ, въ Краковскомъ университетѣ (гдѣ уже нѣтъ теперь курсовъ по Польски) и въ гимназіяхъ Сѣверной Венгріи, гдѣ прежде все преподавалось по-Мадьярски и по-Словацки. Въ Словацкомъ краѣ, гдѣ администрація производилась до 1848 года на Мадьярскомъ языкѣ, съ 1850 года оффиціальнымъ языкомъ былъ признанъ Нѣмецкій. Вотъ почему Мадьяры теперь такъ горько насмѣхаются надъ Сербами, Хорватами и Словаками, которые сражались противъ нихъ въ пользу Австрійскаго правительства. «Вамъ пожаловали, какъ благодѣяніе и въ награду за вашу преданность», говорятъ они Славянамъ, «тѣ же самыя милости, какія мы получили въ наказаніе за нашъ мятежный духъ:» т. е., уничтоженіе областныхъ правъ и преимуществъ и народной особенности. Они могли бы сказать не то еще: ибо Австрія поступила съ бунтовавшими народами гораздо почтительнѣе, нежели съ тѣми, которые проливали за нее кровь; она еще признаетъ въ своей державѣ существованіе народностей Итальянской и Мадьярской. Итальянскій языкъ остался оффиціальнымъ языкомъ, языкъ Мадьярскій, хотя исключенный изъ дѣлопроизводства, все еще господствуетъ въ училищахъ, въ Пестскомъ университетѣ и тамошней академіи; а всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ предоставлено только жить въ семейномъ кругу, въ сельской школѣ и въ церкви.

IV.

Чтобы довершить это дѣло, начатое тотчасъ послѣ усмиренія Венгріи и продолжаемое съ тѣхъ поръ съ неутомимымъ постоянствомъ, Австрійское правительство старалось подавить литературную дѣятельность, проявившуюся у Славянскихъ народовъ. Дѣятельность эта развилась всего болѣе въ Чехіи и оттуда, можно сказать, разливалась на прочія области; тутъ, слѣдовательно, было всего болѣе хлопотъ Австрійскому правительству, тутъ давленіе было самое сильное. Прежде всего удалили или заставили молчать всѣхъ предводителей умственнаго движенія между Чехами. Гавличекъ подвергся судебному преслѣдованію за нѣкоторыя статьи, враждебныя главенству папы и Римской іерархіи; оправданный судомъ (ибо предметъ обвиненія былъ только предлогомъ), онъ все-таки былъ отвезенъ въ Тироль, въ крѣпость, откуда его выпустили только тогда, когда предсмертная болѣзнь уже сломила всѣ его силы. Такъ отстраненъ былъ (въ 1850 г.) самый дѣятельный, самый вліятельный и популярный представитель Славянскихъ идей. Глава народнаго дѣла у Чеховъ, г. Палацкій, который во время опасности первый подалъ голосъ въ пользу Австріи, испыталъ такія притѣсненія и оскорбленія, что онъ удалился изъ общества и заперся въ своемъ кабинетѣ, съ своими историческими матеріалами. Другой вождь Славянства въ Чехіи, Юнгманъ, былъ уже похищенъ смертію. Иные Чешскіе писатели принуждены были взять казенныя мѣста, и для сохраненія ихъ должны были ограничиться, въ дѣлѣ литературномъ, простыми учеными изысканіями, которыхъ однако достаточно въ Славянскихъ областяхъ Австріи для того, чтобы заподозрить ихъ авторовъ въ глазахъ правительства. Если, въ молодомъ поколѣніи, кто нибудь изъ Славянъ выказываетъ талантъ и народныя чувства, то власти, при окончаніи имъ учебнаго курса, спѣшатъ предложить ему казенную должность, предложеніе, которое ему трудно отвергнуть, потому что литературныя занятія не могутъ дать ему средствъ къ существованію, а Славянское дѣло не располагаетъ въ Австріи деньгами и покровительствомъ аристократіи, поддерживающими еще тамъ литературу Мадъярскую и Итальянскую. Какъ только онъ вступилъ въ ряды бюрократіи или учительскаго сословія, молодой Славянинъ, который далъ себя замѣтить тѣмъ, что обозначается въ слогѣ

Австрійской полиціи подъ именемъ *тенденцій* (Tendenzen), посылаестя на службу куда нибудь въ Трансильванію, Ломбардію или Тироль, а мѣста въ канцеляріяхъ и гимназіяхъ Славянскихъ областей поручаются преимущественно Нѣмцамъ или Итальянцамъ. Ктому же нашли весьма вѣрный способъ для того, чтобы отнять у молодаго учителя гимназіи всякую возможность и охоту заниматься литературой: улучшивъ положеніе преподавателей прибавкою жалованья, съ тѣмъ вмѣстѣ до такой степени обременили ихъ оффиціальною работою, увеличенннымъ числомъ лекцій и всякого рода комитетами, совѣтами и отчетами, что, со времени этого преобразованія, у нихъ остается только время, необходимое для физическаго отдыха.

V.

Одна изъ важныхъ мѣръ, принятыхъ Австрійскимъ правительствомъ и исполненныхъ такъ ловко, что она осталась почти незамѣченною, состояла въ томъ, чтобы взять въ свои руки всѣ политическія газеты въ Чехіи и другихъ Славянскихъ областяхъ. Министерство князя Меттерниха мало-по-малу дозволило разнымъ Славянскимъ племенамъ имѣть періодическія изданія на своихъ нарѣчіяхъ; изданія эти подвергались строгой ценсурѣ, но все-таки не принадлежали правительству. Событія 1848 года умножили число Славянскихъ газетъ до безконечности. Народъ такъ привыкъ къ этому чтенію, что совершенно лишить его газетъ показалось невозможнымъ. Австрія оставила ему это чтеніе, но сдѣлала изъ него свою монополію. Чехія, Моравія, Словацкая земля, Кроація имѣютъ теперь только по одной газетѣ на родномъ языкѣ, именно, газету оффиціальную. Прочіе политическіе органы Славянскіе были тамъ, одинъ за другимъ, куплены или запрещены правительствомъ, если не прекратились сами собою, въ слѣдъ за введеніемъ залога (Caution). Только двѣ неоффиціальныя Славянскія газеты удержались во всемъ пространствѣ Австрійской имперіи: одна Польская въ Краковѣ, другая Сербская въ Новомъ Садѣ. Всѣ остальные политическіе органы Славянскіе принадлежатъ правительству. Неполитическія повременныя изданія также почти исчезли въ Славянскихъ земляхъ. Журналъ значительнаго объема не можетъ существовать у Австрійскихъ Славянъ, отъ того что онъ требуетъ большаго капитала; поэтому журналы замѣнялись тамъ маленькими сборниками или альманахами, издаваемыми безсрочно.

Ихъ выходило множество между 1830 и 1850 годами, теперь они появляются весьма рѣдко. Даже литературныя газеты, которыя выходятъ сотнями по-Нѣмецки, и которыя не подчинены такому строгому надзору, какъ политическія изданія, съ трудомъ держатся у Славянъ: до того дошелъ у нихъ упадокъ литературы. Изо всѣхъ прежнихъ газетъ такого рода, остается теперь только одна въ Прагѣ, другая въ Люблянѣ, третья въ Загребѣ, четвертая во Львовѣ (1).

Нужно вдаться въ самыя мелочныя подробности, чтобы показать, до какой степени простирается преслѣдованіе Славянскихъ литературъ въ Австріи. Если книгопродавецъ въ Прагѣ предпринимаетъ изданіе библіотеки избранныхъ романовъ въ переводѣ на Чешскій языкъ, то запретить ему это невозможно (особенно въ странѣ, гдѣ, какъ въ Австріи, законъ признаетъ свободу книгопечатанія); но ему откажутъ въ правѣ разноса (colportage) этихъ книгъ, тогда какъ тысячи подобныхъ изданій на Нѣмецкомъ языкѣ разносятся по всѣмъ деревнямъ въ Чехіи; такимъ образомъ издатель-Чехъ лишенъ главнаго сбыта, на который онъ преимущественно разсчитывалъ. Если Чешская публика находитъ несправедливымъ, что ей позволяютъ пользоваться Пражскимъ театромъ только въ такой неудобный часъ, въ который представленія на Чешскомъ языкѣ могутъ быть даваемы лишь по праздничнымъ днямъ, ибо въ будни никто въ этотъ часъ не бываетъ свободенъ; если Чешская публика, повторяемъ, будетъ просить разрѣшенія собрать подписку для сооруженія особаго Чешскаго театра, то, разумѣется, нельзя же будетъ не допустить столь невиннаго дѣла: правительство, конечно, разрѣшитъ подписку, но не дозволитъ учрежденія особой для нея кассы; оно потребуетъ, чтобы деньги вручались подписчиками мѣстной полиціи, для препровожденія въ театральную дирекцію путемъ административнымъ. Разумѣется, всякая охота къ дѣлу, всякое довѣріе исчезаетъ, и Чешское драматическое искусство остается по прежнему заброшеннымъ, не по

---

(1) Загребская литературная газета, Невенъ, теперь перенесена въ Рѣку (Фіуме). Для полноты этого обзора настоящаго состоянія Славянской журналистики въ Австріи, слѣдовало бы прибавить еще два ученыхъ журнала, «Часописъ Чешской Матицы» въ Прагѣ и «Архивъ,» издаваемый обществомъ Юго-Славянской исторіи въ Загребѣ, да нѣсколько листковъ духовнаго содержанія, издаваемыхъ духовенствомъ Католическимъ, Уніатскимъ и Протестантскимъ для Славянской паствы. *Прим Ред.*

Славянскія литературы, такъ недавно возникшія въ Австріи, едва въ состояніи прозябать и готовы угаснуть.

Лучше всѣхъ еще держится литература Чешская. Но что произвела она съ 1850 года? Нѣсколько пустыхъ книгъ, порожденныхъ спекуляціею, и нѣсколько спеціально ученыхъ трудовъ, вотъ и все. Но политическія обстоятельства имѣли вліяніе и на область науки; нѣкоторые Чешскіе ученые уже покинули родной языкъ и стали писать опять по-Нѣмецки, какъ это дѣлалось въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Если захотимъ отыскать какое нибудь общее направленіе въ этой обѣднѣлой и забитой въ колодки литературѣ, то мы замѣтимъ преимущественно старапіе обнаружить тѣ остатки древняго Славянскаго быта, какіе еще хранятся въ Чешскихъ селахъ, и распространить между Чехами знакомство съ другими Славянскими нарѣчіями, въ особенности съ Церковно-Славянскимъ и Русскимъ. Общество Поощренія Народной Словесности (Чешская Матица) продолжаетъ свои полезные труды. Правительство заставило его принимать полицейскаго коммиссара во всѣ засѣданія совѣта, завѣдывающаго его дѣлами; оно заставило удалить изъ этого совѣта настоящаго основателя и устроителя «Матицы», исторіографа Чехіи, г. Палацкаго; оно разорило общество, взявъ изъ его капитала 30,000 гульденовъ, по поводу народнаго займа; но тѣмъ не менѣе «Матица» остается средоточіемъ народной дѣятельности у Чеховъ.

Стихіи, участвующія въ этой дѣятельности, значительно измѣнились съ 1849 года. Дворянство, которое прежде выказывало большое сочувствіе къ идеямъ народности, съ этого времени совершенно ихъ отбросило. Оно въ одиночествѣ дуется на всѣхъ и на все; оно сердится на Славянскую партію, обвиняя ее въ томъ, что она была, на Вѣнскомъ и Кромѣрижскомъ (Кремзирскомъ) сеймахъ первою зачинщицею освобожденія крѣпостныхъ, совершившагося въ Австріи на столь невыгодныхъ для дворянства условіяхъ; съ другой стороны, оно дѣлаетъ оппозицію и правительству, которое лишило его прежнихъ привилегій и усердно его разоряетъ. Духовенство, по большей части, также удалилось отъ идей народности, которыхъ прежде не чуждалось, и перешло, дѣйствительно или притворно, на сторону правительства. Большая часть мѣщанства, т. е., мѣщане-Нѣмцы, не щадятъ теперь выраженій презрѣнія и ненависти къ Славянству, съ тѣхъ поръ какъ не стало нужды дорожить хорошими отношеніями

съ Славянами, и какъ тевтонизмъ поступилъ подъ покровительство властей. Говорятъ, что Жиды сдѣлались самыми фанатическими проповѣдниками германизма. Женская половина Чешскаго общества, которая съ 1840 года становилась все болѣе и болѣе патріотическою, Славянскою, повернулась съ вѣтромъ, и теперь говоритъ только по-Нѣмецки. За Славянскую народность, въ настоящее время, стоятъ только, кромѣ простаго народа, немногіе литераторы и большая часть сельскихъ учителей.

VII.

Въ Моравіи, въ 1848 и 1849 г., обозначилась нѣкоторая дѣятельность въ духѣ Славянства. Тамъ стали издавать нѣсколько газетъ и основали литературное общество, Моравскую Матицу, по образцу Чешской. Эти начатки были подавлены правительственнымъ гнетомъ и недоброжелательствомъ духовенства, которое, какъ я сказалъ, хотѣло пріобрѣсти въ Моравіи монополію Славянской письменности. Молодые свѣтскіе писатели должны были покинуть литературу для занятій бюрократическихъ или другихъ, также прибыльныхъ. Дѣятельность Брненской (Брюнской) Матицы ограничивается теперь ежегоднымъ изданіемъ календаря. Другое общество основалось въ этомъ городѣ въ 1850 г. Основало его Католическое духовенство, подъ названіемъ «Наслѣдія Св. Кирилла и Меѳодія» Оно пользуется опорою правительства и въ особенности Римской пропаганды, и въ скоромъ времени распространилось весьма значительно. Число членовъ его огромное; нѣтъ деревни въ Моравіи, гдѣ бы это общество не считало одного или нѣсколькихъ членовъ: до такой степени приходскіе священники умѣли популяризировать его. Взносы членовъ образуютъ капиталъ, употребляемый на изданіе духовныхъ книгъ на Моравскомъ (т. е., Чешскомъ) (1) нарѣчіи. Духовенство съ особеннымъ усердіемъ разработываетъ въ этихъ изданіяхъ жизнь и легенду Славянскихъ Апостоловъ, Кирилла и Меѳодія. Не нужно прибавлять, что оно не щадитъ исторической истины, дабы представлять Моравскому поселянину, съ исключительно Римской точки зрѣнія, дѣятельность этихъ великихъ людей, которыхъ память онъ

(1) Это одно и то же.

чтитъ, и которыхъ призываетъ въ молитвахъ, какъ заступниковъ своего края.

Между тѣмъ, какъ Моравская литература сдѣлалась клерикальною монополіею, литература Словацкая вовсе прекратилась; это случилось еще проще. Коларъ и Голы, лучшіе Словацкіе поэты, скончались въ 1848и 1849 г. Главнѣйшій двигатель Славянства въ Сѣверной Венгріи, Штуръ, во время Мадьярской революціи, принужденъ былъ бѣжать въ Прагу. Тамъ онъ обратилъ на себя вниманіе предложеніемъ, сдѣланнымъ имъ въ клубѣ «Славянская Липа», — уничтожить имя Австріи и замѣнить его именемъ «Дунайскаго Союза.» При всемъ томъ онъ участвовалъ въ Словацкомъ легіонѣ, вооружившемся въ пользу Австрійскаго правительства, и издавалъ въ 1849 и 1850 г. газету, которая имѣла большой успѣхъ, и въ которой онъ защищалъ начала религіи и общественнаго порядка противъ революціонныхъ ученій. Всѣми любимый и уважаемый, онъ былъ представленъ правительству, какъ кандидатъ на должность начальника Нитрскаго комитата. Но министерство не только не утвердило его, а объявило неспособнымъ къ занятію какой бы то ни было общественной должности. Онъ былъ принужденъ прекратить изданіе своей газеты и удалился въ деревню, преслѣдуемый заимодавцами, притѣсняемый полиціею и мучимый отчаяньемъ—не имѣть возможности снискивать себѣ насущный хлѣбъ. Этотъ человѣкъ, одинъ изъ лучшихъ талантовъ и благороднѣйшихъ характеровъ между Австрійскими Славянами, подъ конецъ своей жизни долженъ былъ давать за нѣсколько крейцеровъ уроки деревенскимъ мальчишкамъ. Онъ влачилъ свою страдальческую жизнь до 1855 года. Его сотрудники, Гурбанъ, Годжа, Сладковичъ и др., отказались отъ литературы. Гурбанъ продолжалъ еще нѣсколько времени изданіе листка, для образованія простаго народа; правительство арестовало его подъ ничтожнымъ предлогомъ; выпущенный изъ заключенія, онъ принужденъ былъ бросить литературу и удалился въ деревню, чтобы хозяйничать и поправить свои дѣла. Другіе Словацкіе писатели послѣдовали его примѣру. Нѣкоторые изъ нихъ попытались было основать литературное общество въ Быстрицѣ (Neusohl), но правительство этого не дозволило. Съ тѣхъ поръ не было и признака жизни въ Словацкой литературѣ. Не слѣдуетъ однако же думать, чтобы труды Штура и его школы остались совершенно безплодными; кажется, напротивъ, что народное чувство, въ теченіе послѣднихъ 15 лѣтъ, сильно пробудилось у Словаковъ,

его замѣчаютъ особенно между Словаками-протестантами, и это чувство, овладѣвъ народомъ бодрымъ, юнымъ и чистымъ, каковы Словаки, ждетъ, можетъ быть, только благопріятныхъ условій, чтобы получить важное значеніе.

Было бы слишкомъ утомительно разсказывать всѣ подробности этого подавленія Славянскихъ умовъ во всѣхъ другихъ областяхъ Австріи. Скажу вообще, что то же самое повторилось у Словенцевъ, у Хорватовъ и у Австрійскихъ Сербовъ. Свѣтская литература Словенцевъ, довольно значительно обогатившаяся въ 1848, 1849 и 1850 годахъ, съ тѣхъ поръ почти заглохла и уступила мѣсто клерикальной литературѣ, въ родѣ Моравской. У Хорватовъ большая часть писателей также принуждены были бросить литературу, такъ что теперь едва три или четыре имени представляютъ Славянскую дѣятельность въ Загребѣ. Дѣятельность, начинавшая развиваться между Австрійскими Сербами и имѣвшая средоточіемъ Новый Садъ (Neusatz), была прервана войною съ Мадьярами, которые разрушили этотъ городъ въ 1848 году. Съ тѣхъ поръ Австрійское правительство постоянно старалось, чтобы она не возобновилась. Оно преградило всякое литературное сношеніе этого края съ Сербскимъ Княжествомъ, запретивъ ввозъ въ свои владѣнія Сербскихъ книгъ, издаваемыхъ въ Бѣлградѣ. Оно не позволило возстановить въ Новомъ Садѣ Сербское «читалище» (1), существовавшее тамъ до 1848 г. Оно не хочетъ допустить, чтобы туда перенесено было мѣстопребываніе «Сербской Матицы», основанной въ Пештѣ и владѣющей значительнымъ капиталомъ, но остающейся почти совершенно безплодною въ чужомъ городѣ. Впрочемъ, уже одно разореніе этого края, страшно пострадавшаго въ войну съ Мадьярами, было достаточною причиною упадка въ немъ умственной дѣятельности (2).

Такимъ образомъ во всей Австріи подавлено было развитіе Славянскихъ народностей, съ тѣхъ поръ какъ усмиреніе Венгріи, въ 1849 году, возвратило Вѣнскому правительству свободу дѣйствія.

---

(1) Общественная библіотека.

(2) По послѣднимъ извѣстіямъ, запрещена въ Австріи единственная, сколько-нибудь самостоятельная газета, издававшаяся въ Новомъ Садѣ — Сербскій Дневникъ!

Прим. Ред.

VIII.

Казалось бы труднымъ понять побужденія, заставляющія правительство уничтожать умственную дѣятельность подданныхъ ему Славянъ, на которыхъ ему нечего было жаловаться во время опасности. Конечно, не опасеніе революціоннаго духа было причиною такой политики, потому что революціонный духъ, какъ доказали событія, гораздо труднѣе овладѣваетъ Славянскими народами, крѣпкими своимъ бытомъ, нежели космополитскимъ мѣщанствомъ, которое Австрія такъ усердно старается расплодить въ своей имперіи. Нѣтъ, совсѣмъ другія пружины двигаютъ Австріею въ этомъ дѣлѣ, гдѣ она, по видимому, поставила себѣ задачею оскорбить народонаселеніе въ 17 милліоновъ душъ въ ихъ завѣтныхъ чувствахъ и интересахъ.

Пружины эти таятся въ самомъ жизненномъ началѣ, на которомъ основывается существованіе Австріи. Австрія не есть народъ, она есть только государство. Всѣ другія Европейскія государства: Франція, Англія, Россія, Пруссія, Швеція, Голландія и т. д., представляютъ собою каждое народъ, занимающій свое мѣсто въ человѣческой семьѣ, какъ живой, самобытный организмъ, который получилъ, въ теченіе вѣковъ, ту или другую государственную форму. Иногда народъ можетъ быть раздѣленъ на нѣсколько государствъ; иногда одинъ какой нибудь сильный народъ можетъ подчинить своей власти другой народъ, слабѣйшій и почему либо неспособный къ независимости; но вездѣ одинъ народъ служитъ основою государству, которое есть лишь его политическое проявленіе. Одна во всей Европѣ, Австрія есть просто государство, не представляющее въ себѣ народа, а только совокупность подданныхъ. Съ самаго начала Австрія не была народомъ, а военною колоніею, основанною на оконечности Германіи, какъ оплотъ имперіи со стороны Востока. Начальники этой колоніи вскорѣ пріобрѣли нѣсколько Славянскихъ областей: Каринтію, Стирію, Краину и т. д. Нигдѣ отвлеченная идея государства, переданная императорскимъ Римомъ новой Европѣ, не могла найти такой удобной почвы, какъ въ этомъ владѣніи, составленномъ изъ военныхъ колоній Нѣмецкихъ и покоренныхъ мелкихъ племенъ Славянскихъ. Сильная этимъ отвлеченнымъ принципомъ, котораго не ограничивала никакая народная стихія, Австрія притянула къ себѣ

сосѣднія страны, растерзанныя народною враждою и внутренними междоусобіями. Если слабая Нѣмецкая область, неспособная къ завоеваніямъ и послѣдняя изъ всѣхъ въ умственной дѣятельности, могла распространить свою власть на огромные края Славянскіе, Мадъярскіе и Румынскіе, то это было именно потому, что народы эти хотѣли подчиниться въ ней не особой народности, а только отвлеченно-построенному правительству. Мы не намѣрены говорить о томъ, какъ безнравственно такое явленіе, что государство, лишенное всякой органической стихіи, завладѣваетъ нѣсколькими народами, богато одаренными природою, и, чтобы сдѣлать изъ нихъ послушныхъ подданныхъ, отнимаетъ у нихъ всякую свободу развитія. Мы не намѣрены говорить о томъ, что, вѣроятно, чувство этой безнравственности порождаетъ то естественное и, можно сказать, инстинктивное отвращеніе къ Австріи, которое ощущается почти всѣми. Но намъ необходимо было выставить политическое начало, на которомъ зиждется существованіе Австріи, чтобы показать, что, въ слѣдствіе этого-то существеннаго начала, она не можетъ, хотя бы благоразуміе, по видимому, того и требовало, допустить въ своихъ предѣлахъ дѣятельность какой бы то ни было народности. Она, повторяемъ, не можетъ допустить этого, безъ самоотреченія, ибо Австрія есть государство, существующее только въ силу отрицанія всякой народной стихіи въ своихъ подданныхъ. Читатель видѣлъ, что она сдѣлала для того, чтобы убить народную жизнь въ Славянскихъ областяхъ, только что спасшихъ ее отъ гибели. Предоставляю Итальянцамъ, Мадъярамъ, Румынамъ разсказать о томъ, какъ она поступала съ ними, чтобы достигнуть той же цѣли.

Подумаютъ, можетъ быть, что мы противорѣчимъ себѣ, когда говоримъ объ усиліяхъ Австріи къ онѣмеченію Славянъ. Подумаютъ, можетъ быть, что если она есть государство существенно враждебное всякой народности, то ей народность Нѣмецкая должна быть столько же противною, какъ всякая другая. Но въ Австріи Нѣмецкая народность имѣетъ совершенно особый характеръ. Вовсе не похожій на своихъ Сѣверныхъ и Западныхъ братій, Австрійскій Нѣмецъ отличается полнѣйшимъ отсутствіемъ умственной дѣятельности, грубѣйшимъ матеріализмомъ. Нѣмецкая народность должна была непремѣнно утратить свою органическую силу, свою духовную жизнь на такой почвѣ, гдѣ она не развивалась самобытно, а взрощена была искусственными политическими вліяніями. Такимъ образомъ характеръ Австрійскихъ

Нѣмцевъ сдѣлался совершенно сообразнымъ съ духомъ Вѣнскаго правительства, и это правительство, не смотря на всѣ оскорбленія, претерпѣнныя имъ, въ послѣдній кризисъ, отъ Нѣмецкаго народонаселенія, которое увлеклось чужими вліяніями, тотчасъ же возобновило свой союзъ съ нимъ и опять стало смотрѣть на него, какъ на исключительный предметъ своихъ интересовъ. Вѣнское правительство видитъ въ каждомъ Славянинѣ, въ каждомъ Мадъярѣ, въ каждомъ Итальянцѣ, естественнаго врага, а потому старается передѣлать его въ Нѣмца. Оно знаетъ, что каждый человѣкъ, который отречется отъ своего происхожденія, чтобы вступить въ ряды господствующаго племени, не будетъ имѣть никакого дѣйствительнаго чувства народности, и что въ его душѣ останется, въ отношеніи къ прежней братьѣ, та ненависть, какую ощущаетъ всякій ренегатъ къ покинутому имъ обществу; оно знаетъ, что эта ненависть поставитъ его въ ряды правительства противъ угнетаемыхъ народностей. Германизаціею своихъ подданныхъ Австрія достигаетъ двоякой цѣли: она втягиваетъ множество умовъ въ сферу безнародности и сѣетъ раздоръ въ областяхъ. Чтобы обмануть публику и скрыть подъ громкими словами свою политику германизаціи, она выдумала въ 1850 г. великолѣпныя выраженія: «Австрійскій народъ» и «Австрійскій патріотизмъ.» Нашъ вѣкъ не видалъ болѣе безстыдной лжи, какъ эта фраза объ «Австрійскомъ народѣ» въ странѣ, составленной изъ десяти разныхъ племенъ, и объ «Австрійскомъ патріотизмѣ» въ государствѣ, гдѣ извѣстенъ только областной и народный патріотизмъ. Не удивительно, что выраженія эти были предметомъ всеобщаго хохота, когда впервые появились въ Вѣнскихъ газетахъ; но нынче бюрократія и часть Нѣмецкаго мѣщанства начинаютъ вѣрить имъ не на шутку.

Я надѣюсь, что объяснилъ причины, побудившія Австрію заглушать всѣми возможными средствами духовную жизнь своихъ подданныхъ-Славянъ, въ то именно время, какъ обстоятельства представляли ей, по видимому, самый удобный случай скрѣпить благонамѣренною политикою узы, привязавшія ихъ къ возобновленному престолу императора Франца-Іосифа. Конечно, Австрія не полагаетъ возможнымъ превратить семнадцать милліоновъ Славянъ въ Нѣмцевъ. Но она хочетъ, чтобы всякій, кто, между этими 17 милліонами Славянъ, возвысится надъ слѣпою массою простонародья и вступитъ въ такъ

называемый «интеллигентный» или «мыслящій» классъ (die Intelligenz) принадлежалъ тѣмъ самымъ къ Нѣмецкой народности и къ правительственнымъ идеямъ, чтобы онъ былъ членомъ «единой и Католической Австріи» (einheitliches und Katholisches Oesterreich), какъ гласитъ оффиціальная фраза. Пусть стадо семнадцати милліоновъ поселянъ продолжаетъ говорить на Славянскомъ языкѣ, разныя нарѣчія котораго будутъ въ Австріи не болѣе, какъ деревенскими patois ([1])! Пусть оно продолжаетъ, если ему угодно, пѣть свои старинныя пѣсни и соблюдать обычаи своихъ предковъ! Какая въ томъ бѣда, лишь бы только люди, которые его учатъ и направляютъ, думали и говорили въ духѣ правительства? Эта мысль приковать къ себѣ навсегда Славянскія области, сдѣлавъ въ нихъ весь образованный и промышленный классъ участникомъ того, что называется «великимъ Австрійскимъ и Нѣмецкимъ отечествомъ», была неоднократно выражаема газетами, служащими органомъ Вѣнскому министерству. Общее мнѣніе Славянъ приписываетъ сознательное развитіе и примѣненіе этой мысли главнымъ образомъ г. Баху, который, по ихъ сужденію, положилъ этотъ планъ въ основу всей внутренней политикѣ Австріи. Какъ бы то ни было, это стремленіе видно во всемъ образѣ дѣйствія Австріи относительно ея Славянскихъ подданныхъ. Она покинула систему императора Іосифа II, заставлявшаго деревенскихъ дѣтей, не слыхавшихъ никогда слова по-Нѣмецки, учить наизусть Нѣмецкія фразы и правила Нѣмецкой грамматики. Обученіе на Славянскомъ языкѣ оставлено элементарнымъ школамъ; но какъ скоро мальчикъ выйдетъ изъ сельскаго или приходскаго училища и захочетъ пріобрѣсти знанія, необходимыя для всякаго, кто не ограничивается состояніемъ земледѣльца или мастероваго, то все будетъ преподаваться ему уже по-Нѣмецки, по-Нѣмецки онъ постоянно будетъ говорить и писать, и Нѣмецкій языкъ сдѣлается ему скоро привычнѣе роднаго. Когда онъ кончитъ, послѣ 8-лѣтняго курса, гимназическое ученіе, то ему ужь нужно будетъ употреблять усиліе народнаго патріотизма, чтобы говорить по-Славянски въ своей

---

(1) Просторѣчіе: но въ этомъ Русскомъ словѣ (и то искусственно составленномъ) нѣтъ презрительнаго оттѣнка Французскаго patois, да и быть не можетъ, потому что въ Россіи языкъ деревни не стоитъ ниже языка городскаго. *Прим. Ред.*

частной жизни. Такимъ образомъ Австрія надѣется, съ помощью общественнаго обученія, вовлечь весь образованный классъ общества въ кругъ Нѣмецкой народности и Нѣмецкихъ идей. Бывшій Чешскій публицистъ и Славянскій патріотъ, графъ Левъ Тунъ, человѣкъ честолюбивый и безъ состоянія, былъ избранъ въ исполнители этого плана, подъ высшимъ руководствомъ г. Баха.

Стало быть, Австрія разсчитываетъ преимущественно на молодое поколѣніе, образующееся нынѣ въ училищахъ. Что же касается до настоящаго поколѣнія, то на него дѣйствуютъ разными средствами, исчисленіе коихъ было бы излишнимъ, какъ то: приманкою выгодъ и мѣстъ, шпіонствомъ, внушеніями и угрозами полиціи, газетными статьями и т. д. Нѣмецкій языкъ есть языкъ оффиціальный и покровительствуемый: одного этого достаточно, чтобы дать ему страшный перевѣсъ и наложить его на всѣ образованныя сословія. Дѣла дошли уже до того, что по-Славянски въ послѣдніе годы почти перестали говорить въ публикѣ и обществѣ. Пусть Чехъ, пусть Словакъ, пусть Хорватъ или Австрійскій Сербъ, изъ людей «порядочныхъ», употребляетъ теперь въ публикѣ свою родную рѣчь: тѣмъ самымъ онъ будетъ признанъ за человѣка, дѣлающаго оппозицію правительству, а число людей, готовыхъ рисковать этимъ, не велико. Такой человѣкъ будетъ немедленно провозглашенъ панславистомъ и приверженцемъ Россіи (ein russischgesinnter Mensch), а этого титула достаточно въ Австріи, чтобы подвергнуть того, кто его носитъ, всякаго рода непріятностямъ; онъ дурно отмѣчается въ книгахъ полиціи и, если занимаетъ казенную должность, то получаетъ разные выговоры и находится всегда въ опасности лишиться своего мѣста и остаться безъ куска хлѣба.

IX.

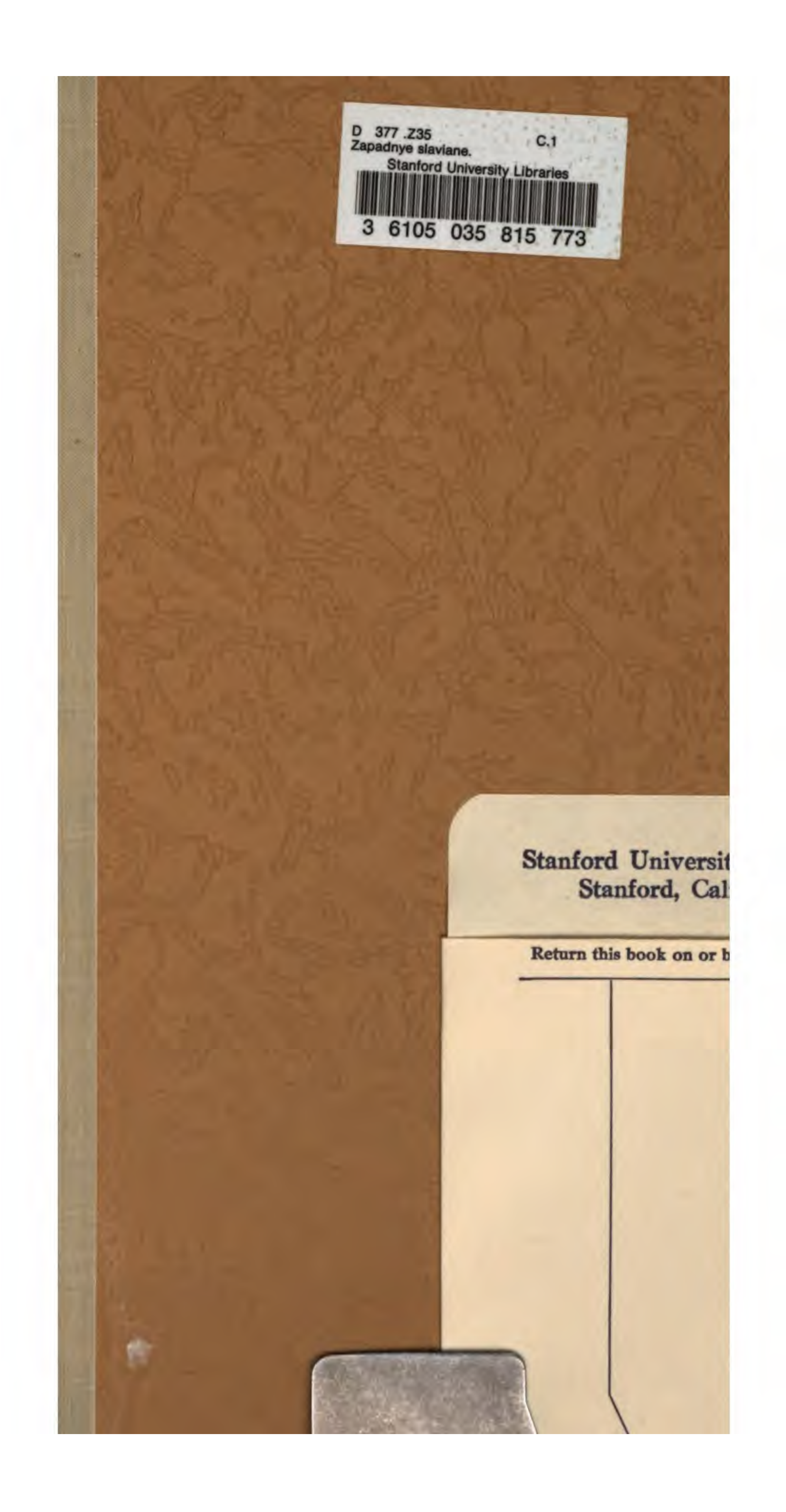
Религіозная система Австріи дополняетъ ея политическую систему. Славянскія племена, какъ было не разъ справедливо замѣчено, отличаются своимъ религіознымъ духомъ. Ихъ религіозныя стремленія дѣлаютъ ихъ, вообще, мало склонными къ духовному правленію Рима, и, между всѣми Славянами, одна только Польша, можно сказать,

дѣйствительно предана ультрамонтанизму; но мы знаемъ, что Польша приняла, во всѣхъ отношеніяхъ, особое направленіе, весьма далекое отъ направленія другихъ Славянъ. Моравцы, Словенцы и Хорваты находятся, правда, также подъ сильнымъ вліяніемъ Римскаго клира, но народная партія, даже въ этихъ строго Католическихъ земляхъ, весьма склонна къ духовной свободѣ (1). Но эти племена составляютъ лишь довольно слабое меньшинство между Австрійскими Славянами. Большинство Австрійскихъ Славянъ суть явные или тайные противники Папскаго самовластія. Чехи не забыли преданій своей исторіи, которая вся заключается въ безконечной борьбѣ свободы совѣсти противъ господства Рима; они не забыли Гуситскихъ войнъ, самой блестящей страницы ихъ лѣтописей. Часть Словаковъ Протестанты; Сербы принадлежатъ къ Восточной Церкви; Русины также считаютъ себя еще ея членами, хотя были увлечены въ Унію. У всѣхъ этихъ Славянъ—диссидентовъ или акатоликовъ, какъ выражаются въ Австріи, религіозное чурство неразрывно связано съ чувствомъ народности, тогда какъ Католицизмъ, который принялъ тамъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, плачевный харатеръ государственнаго учрежденія, служитъ къ подавленію Славянской народности, даже когда ей, по видимому, покровительствуетъ. Это въ особенности замѣтно при сравненіи Словаковъ—Протестантовъ съ ихъ братьею Католиками, и Православныхъ Сербовъ съ ихъ соплеменниками въ Славоніи, въ Далмаціи, подвластными Риму. Славяне считали церковныя учрежденія Рима столь противными духу своей народности, что довольно значительная партія между Чешскими патріотами была готова, во время броженія 1848 года, отречься отъ Католической Церкви. Для Австріи, напротивъ, Католицизмъ, доведенный до крайнихъ своихъ теорій, служитъ самой вѣрною опорою и лучшимъ оплотомъ противъ развитія Славянскихъ народностей. Вотъ, конечно, одна изъ существенныхъ причинъ, породившихъ инквизиціонную политику, которой Австрія слѣдуетъ съ 1850 г., и которая выразилась въ конкордатѣ съ Римомъ, въ уничтоженіи церковныхъ законовъ императора Іосифа II, въ неограниченной власти, данной Католическому духовенству въ дѣлѣ воспитанія и, наконецъ, въ

---

(1) У Словенцевъ осталось еще нѣсколько протестантской закваски: извѣстно, что протестантизмъ сильно распространился у нихъ въ исходѣ XVI вѣка.

ленія Славянскихъ народностей въ своихъ областяхъ,—въ такую пору, когда заря новой жизни начинаетъ заниматься на всемъ протяженіи ея границъ, отъ Черногоріи до Молдавіи и до Польши, и когда двѣ державы, каковы Франція и Россія, поддерживаютъ своимъ сочувствіемъ возрожденіе всѣхъ угнетенныхъ народностей.

D 377 .Z35
C.1
Zapadnye slaviane.
Stanford University Libraries
3 6105 035 815 773
Stanford Universit
Stanford, Cal
Return this book on or b

